

ВЕРА КАТША

СИНИЙ ВЗГЛЯД СМЕРТИ

РАССВЕТ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Вера Викторовна Камша
Синий взгляд смерти.
Рассвет. Часть четвертая
Серия «Отблески Этерны
(Сериал Этерна)», книга 14

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40654745

Сердце Зверя. Том 3. Синий взгляд Смерти. Рассвет: Эксмо; Москва;

2019

ISBN 978-5-04-098609-5

Аннотация

Когда скверна, как чума, не разбирает границ... Когда нельзя верить родным мундирам, но можно и нужно верить знакомым врагам... Когда враги, отодвинув вековые распри, встают спина к спине против общей страшной угрозы... И когда размышлять уже некогда, ибо бой уже грянул... Тогда может случиться всякое. И оно – поверьте – случается. Из ниоткуда возникают командующие, а кавалеристы кормят черным овсом прожорливых бронзовых зверюг. Кто-то кидает последнюю ставку на чужую спесь и выезжает навстречу трем полкам, чтобы урвать, добыть, выкроить драгоценные секунды. Кто-то вырастает в обледеневшие склоны и сдерживает, сдерживает, сдерживает

очередной натиск белоглазой погибели. Казалось бы: сколько боев отгремело уже на страницах «Отблесков Этерны»? Но этот не похож на другие. И зависит от него тоже куда большее. И так хочется думать идущим в этот бой, что хотя бы за их спинами всё в порядке!

Стихают пушки, вспыхивают костры. Маршал Алва смеется, бригадир Придд улыбается. Робер Эпинэ счастлив впервые за много лет, Марсель Валме ему почти завидует. Руперт фок Фельсенбург получает назад кошку и думает о любви, Арно Савиньяк умудряется отыскать чужую пропажу и еще кое-что. Мэллит смотрит на золотой цветок, а Селина – на кольцо со странным знаком. Еще зима, но день уже растет, а ночь тает...

Содержание

ХШ. «Маг»[1]	9
Глава 1. Гельбе	9
1	9
2	13
3	17
4	20
Глава 2. Гельбе	24
1	24
2	27
3	29
Глава 3. Гельбе. Талиг. Акона	34
1	34
2	38
3	42
Глава 4. Гельбе	49
1	49
2	52
3	56
4	62
5	66
Глава 5. Гельбе	70
1	70
2	74

3	77
Глава 6. Гельбе	81
1	81
2	83
3	88
Глава 7. Гельбе	93
1	93
2	96
3	98
4	102
5	104
Глава 8. Гельбе Талиг. Акона	107
1	107
2	110
3	114
Глава 9. Гельбе	120
1	120
2	125
3	128
Глава 10. Гельбе	132
1	132
2	135
3	138
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Фэнтези Ника Перумова

Синий взгляд Смерти.

Рассвет. Часть четвертая

© Камша В.В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Автор благодарит за оказанную помощь Александра Бурдакова, Егора Виноградова, Эльберда Гаглоева, Александра Гинзбурга, Ирину Гейнц, Марину Ивановскую, Дмитрия Касперовича, Александра Куцаева (Colombo), Юрия Нерсесова, Илону и Сергея Спилберг, Елену Цыганову (Ярту), Игоря Шауба и Mrs. Colombo и им же посвящает эту книгу.

Только мёртвые видели конец войны.
Платон

*...За ошибки платит былые всем приходится
нам когда-то.*

*Только знай: никому не должен ты за то, чего не
просил...*

*...Кони ржут. Истекает небо над холмами
кровью заката –*

*И в бою бросить вызов смерти и судьбе тебе
хватит сил.*

*Серебриться – снегам и звёздам. Песне – длиться,
и сердцу – биться.*

*Жить – живым. А надежде – жарко разгораться
в груди костром...*

*И друзьям в ответ улыбнёшься ты, услышав:
«Ночь таёт, гици!»*

*И в прищуре упрямом синем вспыхнут искры:
«Радуйся, Ро!»*

*И, с седла наклоняясь, протянет тебе кто-то,
как брату, фляжку...*

*Так вот крылья и отрастают – и беде, и боли
назло.*

*Да, ещё далека победа. И ещё вам придётся
тяжко.*

*Но рассвет в свой черёд настанет. Не для
нечисти он – Излом.*

*Ты поверить сумеи: не поздно жизнь тебе
начинать сначала –*

*Потому что жизнь, Иноходец, споря с болью,
берёт своё...*

*Горизонт вскипает грозой. Зло закат полыхает
алым.*

*Не нужна тут смерть – и не будет, в этом вы
поклонились, её.*

*В летних травах зажгутся маки. Откровив,
затянутся раны.*

*...Пляшет конь под тобой – и сабля в самый раз
тебе по руке...*

*Ветер треплет плащи медвежьи, и блестит
ишьё доломанов,*

*И звенят удила, и стынет колко изморозь на
клинке.*

*Будет скачка навстречу бою ночью этой сродни
полёту.*

*Над заснеженными полями будет ярко сиять
луна...*

*Эхом вторят удары сердца перекличке Зимней
Охоты:*

*«Нынче – праздник. Радуйтесь, друзья! День
растёт – и скоро весна!..»*

Елена Толоконникова (Красный Волк)

*Те, кто в самом деле не думает, ибо неспособен,
вечно намекают на глубины своих размышлений.*

Рокэ, герцог Алва, собрано Кэналлоа, регент Талига

*Правда при должном применении всегда
приносит ощутимую пользу*

Марсель, виконт Валме

*Когда любовь сталкивается с равнодушием,
летят искры.*

***Арлетта, графиня Савиньяк, урожденная графиня
Рафиано***

ХІІІ. «Маг»¹

*Сопротивляться, сопротивляться и
сопротивляться!*

Фидель Алехандро Кастро Рус

Глава 1. Гельбе

1 год К.В. 1-й день Зимних Скал

1

По ногам вовсю тянуло холодом, сквозняк трепал огоньки не сбитых и не затоптанных свечей, и по стенам блохами скакали какие-то дикие тени. Руппи поморщился и потряс головой – ничего не изменилось. Слева что-то капало,

¹ Высший аркан Таро «Маг» («Le Bateleur»). Это Личность. Воля к поступку, самовыражение, индивидуальность, мудрость, но и тирания, злоупотребление властью. Маг – человек, обладающий во всей полноте физическими и духовными способностями. Карта означает достижение желаемого в доступных вам пределах. Воля, мастерство, ловкость, желание рисковать, использовать свои силы. ПК остается благоприятной – ситуация под контролем, будущее в ваших руках. Может означать неуверенность в себе, а напрасно. Не откладывайте «на потом» важное дело. Нерешительность, колебания, пренебрежительное отношение к себе, неумение использовать свои таланты и способности, нежелание учиться, нехватка сил.

мерзкий мерный звук сплетался с тиканьем часов и хрипами: за опрокинутым столом кто-то умирал. Кто? Нужно посмотреть, зажечь огонь и посмотреть, найти огниво и зажечь... Как же, найдешь его!

– Новых свечей не зажигайте, так лучше, – небрежно распорядился негаданный спаситель – темный силуэт на фоне серебрящейся, чудом не сорванной портьеры. – Давайте-ка проверим убиенных, вы – левых, я – правых.

Фельсенбург, не споря, перебрался через нагроможденную дракой баррикаду и принялся переворачивать тела; все либо были покойниками, либо собирались ими в ближайшем будущем стать. Оба не предавших генерала уже стали: Шрёклих лежал ничком, Неффе полусидел, застряв между двух убийц и закусив окровавленный ус. Это могло быть смешно, это было жутко. Вирстена среди мертвецов не оказалось, но гадина, когда Руппи видел ее в последний раз, шарахнулась за буфет.

– Герцог Алва, – проскрипел позабытый в своем укрытии Бруно, – что вы здесь делаете?

– Что и всегда, – вежливо откликнулись из-за все того же буфета. – Дерусь за Талиг, для чего мне нужна ваша армия, и желательно в пристойном виде. Что до вас лично, тут уж как получится. Господин Фельсенбург, я могу вас называть по имени?

– Да. – Вот и Ворон, вот и познакомились...

– Мне о вас говорили. Удачно, что вы здесь и целы. Гос-

подин фельдмаршал, нам с вами предстоит решить – удалось покушение или нет. Страница в новом издании Пфейхтайера в любом случае ваша, но, если вы все же уцелели, надо, как говорят законники, разграничить полномочия. Вы получаете вашего предателя, он жив и лежит здесь, у стенки, вызываете лекаря и, видимо, палача, после чего занимаетесь центром позиции и изменой. Сраженьем в целом, раз уж оно началось, будет командовать герцог фок Фельсенбург, он же второй канцлер и брат ныне отсутствующего кесаря. Руперт, вы согласны на пару часов помутиться рассудком и признать во мне отца?

– Простите...

– Видимо, у меня испортилось произношение. Граф фок Фельсенбург, вы готовы помочь мне, обыграв *наше* сходство, выиграть *ваше* сражение?

Дикость какая-то... Дикость? Ворон в самом деле выигрывает, а Бруно вряд ли, особенно после всего...

– Так мы с Дриксен можем на вас рассчитывать?

– Почту за честь.

– Отлично. Мне говорили, что мы похожи, но действительность превосходит все ожидания. Господин фок Зильбершванфлоссе, вы желаете что-то сказать?

– Я хочу знать, откуда вы взялись и что можете сделать, чего не сделают мои генералы?

– Значит, покушение *не* удалось? Очень рад, терпеть не могу убийства из-за угла.

– Вот как? – Бруно выполз из-за спасительного бюро. – Фельсенбург, поднимите мое кресло. Врач мне в самом деле нужен, превращаться в страницу я не готов.

– Врач вам нужен исключительно для достоверности. – Алва, не дожидаясь Руппи, перевернул кресло. – Садитесь, фельдмаршал. Головой не трясите, раны, если они у вас есть, я вам обработаю на морисский лад, заодно и ваше любопытство удовлетворю. Руперт, полчаса мы всяко проговорим; столько лет никогда не виделись, а тут такой повод!

– Исполняйте. – Бруно ни Змея не понял, вернее, понял так, что Фельсенбург ждет его приказа. Это после согласия-то помутиться рассудком?! Хотя они все тут помутились, кроме Ворона. – Герцог, вам надо переодеться. К счастью, мы сопоставимого роста, а в создавшихся обстоятельствах вряд ли кто-то обратит внимание на то, что мундир командующего слишком свободен. Коня, полагаю, вы менять не станете?

– Разумеется.

– В таком случае его придется переседлать. Руперт, обеспечьте нашего гостя всем необходимым. Парадный плащ, мундир, перевязь и орденские цепи возьмёте в моей спальне, разумеется, лично и без объяснений. Кроме того, мне нужен ваш слуга.

Слуга? Палач ему нужен, палач для Вирстена! Так нужен, что остального сейчас словно бы и нет – ни армии, ни сражения, ни закрывшего собой фельдмаршала бедняги Неффе...

– Фельсенбург, вы меня слушаете?

– Да, господин командующий.

– Возьмите себя в руки. Вам следует объявить, что легко раненному изменниками командующему помогает внезапно прибывший в качестве союзника и советника герцог фок Фельсенбург. Заодно с помощью своих людей обеспечьте отсутствие вокруг него лишних; из соображений безопасности, само собой. Столь же естественно, вы всем своим поведением подтвердите, что здесь ваш отец.

– Да, господин командующий.

Вот и все. Надо идти и... обеспечивать уединение. Похороны – это потом, сейчас главное – отлипнуть от стены, стереть чужую кровь, поднять и сунуть в ножны палаш, но сперва этот дурацкий первый шаг. Глупость какая, он же только что мертвецов ворочал, и вдруг сам стал как дохлый.

– Руперт!

– Да... – Как же его называть? Не отцом же... Как там было у фрошеров в Старой Придде? – Да... монсеньор.

– Пить и петь будем ночью. Ступай, обними Коро, он жив, я видел, и начинай командовать. Совместно со спешно прибывшим родителем. Что для этого требуется, думай сам.

2

В адъютантской – опять трупы, знакомые, свитские, и серые, горные. Пахнет кровью, печеными яблоками и отче-

го-то навозом. Жарища, а дверь на двор мало того что закрыта на засов, еще и покойниками завалена. Не нарочно, так получилось – дрались, падали, пока разгребешь... Зато высаженное окно дышит чистым холодом. Солнечный зайчик прошмыгнул внутрь и теперь скачет по битым тарелкам, будто пересчитывает.

Посуду Руппи проверять не стал, а мертвецов наскоро оглядел: своих оказалось одиннадцать. Все угощавшиеся, кроме Мики. Угостилось до смерти и семеро горников. Вместе с парой вирстеновских мушкетеров и подонком-дежурным выходит десять. Остальные, закончив с порученцами, нацелились на командующего, но получили свихнувшегося Фельсенбурга. Сколько же он успел положить? А, к Леворукому, потом сосчитает кто-нибудь...

Оттаскивать от двери скалящуюся дохлятину не хотелось, как и прерывать сговор маршала с фельдмаршалом. Фельсенбург пробрался к окну и сразу увидел Мики. Поднять тревогу адъютантик не успел, мог бы и не прыгать.

– Шварцготвотрум, – Руппи ругнулся, чтобы не взвыть. Парнишка так и так оказывался покойником, и все равно!..

Короткий резкий свист пришелся удивительно вовремя, прогнав несвоевременные терзания. Отпрянув на всякий случай от окна, Фельсенбург просчитал до восьми и осторожно выглянул во двор. Накатившая задним числом предусмотрительность оказалась излишней – возле караулки усмехался капитан Уилер. Руперт махнул фрошеру рукой и, уже

не скрываясь, выбросил наружу перевязь с палашом и выбрался следом сам.

– Какие у вас празднички залихватские, – «фульгат» протянул руку. – Аж завидно!

– Кому? – Руппи не выдержал, кивнул на Мики. – Ему?

– Тебе, – Уилер присел на корточки возле тела и умело прикрыл глядящие в никуда глаза. – Опять выпутался, везунчик. Как там *наши*, поладили?

– Скорее да, чем нет, – понял Руперт. – Антал, мне нужны «забияки»... каданские наемники. Они во внешнем охранении за рейтарами болтаются, но сперва придется найти моих людей, тех, кто был в форте. Если только они целы.

– Да что таким лбам сделается? Угощаются!

– Угощаются?!

– Ты только не убивай никого, самому потом жалко станет. Их на самые зады загнали, да еще в подвал, оттуда кошки с две чего расслышишь, да и гады эти вас перерезать тихонько наладились...

Даже не звук, что-то вроде мелькнувшей тени, но Руппи и фрошер обернулись одновременно. Это был свой, то есть, конечно, чужой... Незнакомый «фульгат» что-то шепнул вожаку, Уилер кивнул, и «закатная тварь» исчезла.

– Хлебни-ка, – фрошер достал флягу, – и давай к своим. Орлы поели-попили, пора выпускать и пороть.

– Спасибо! – Руппи хватил чего-то упоительно-огненного. – Сейчас... займусь. Скажи только, как вы в форт про-

рвались?

– Запросто. Ваши гады готовились со старанием, что их и подвело. Так бывает.

Все и в самом деле вышло запросто. Примчавшийся к армии Алва убедился, что у Савиньяка сложностей не предвидится, и решил втихаря переговорить с Бруно. Офицер для связи при фрошерах уже болтался, об обмене сведениями договорились накануне, и пятерка талигойцев в сопровождении дрикса спокойно добралась до командного пункта. Адъютант Гутеншлянге все так же спокойно сообщил, что командующий отбыли пить шадди. Ворона это устроило: он не хотел себя обнаруживать, а уединиться в форте было проще. Поскакали в форт. Рауф их, само собой, пропустил, так что до ворот добрались без приключений. Стоявшие там мерзавцы имели приказ Вирстена: людей Савиньяка, буде те вдруг появятся, не задерживать. Оно и понятно: споры и тем более отказ возбудят любопытство рейтар внешнего оцепления, а любопытные рейтары попробуют войти или, того хуже, сунутся со своими сомнениями на командный пункт. Нет, лучше впустить и убить уже во дворе. А может, и не убить – пленные фрошеры в хозяйстве всегда пригодятся.

Гости въехали, ворота закрылись, и тут Алва, не слезая с коня, прикончил часовых, те и пикнуть не успели. У крыльца болталось еще четверо, их уже Уилер с парнями положил, а тут и соотечественничек проснулся и с ходу дал себя ранить. Точно, гусак! Но Ворон-то как догадался?

– Создатель, как он понял?!

– Верхним чутьем шел, вот и понял, а уж как, вы у него сами спрашивайте. Ну а дальше и вовсе просто стало. Мы двоим занялись, а Монсеньор сразу на зады рванул. Свезло вам, что, когда Гельбе отбирали, он в этом же форте устроился... Хотя здесь ничего другого вроде и нет.

– Аббатство еще есть. – Перед глазами будто вновь вспыхнуло и разбилось уже вчерашнее солнце. – Чудо, что Ворон вообще успел.

– Так гнали как скаженные, каждый о трех морисках! Вот что Монсеньору доложить про ваши болести исхитрились, и впрямь за чудо сойдет. Такое, с голубыми глазками.

3

Утро выдалось солнечным и прохладным, и оно было именно утром, хотя с какого-нибудь дурня стало бы назвать его полднем. Правда, дураков рядом не имелось, сплошные умники.

– Сейчас утро, – заявил Марсель принесшему пахнущее дымком варево «фульгату», – более того, оно раннее. Могу доказать.

– А на кой? – откликнулся сержант Леблан, он в самом деле был умен. – С вами все ясно, когда встали, тогда и утречко.

– Вот именно, – подтвердил Валме, и тут окончательным

подтверждением по лестнице сползло утреннее чудовище, зеленое, несчастное, но все равно вежливое.

– Добрый день, господин капитан, – просипело оно, – прошу меня простить, я проспал.

– Ничего подобного, – растроганный Валме аж ложку отложил, – невыспавшийся человек проспать не может. Ты в этой жизни уже успел напиться?

– Я как раз хотел спросить воды!

– Значит, – сделал неизбежный вывод Марсель, – ты *не* напивался, но когда ты это наконец сделаешь, наутро будешь себя чувствовать в точности, как сейчас.

– Да, сударь, – покорно согласился Герард. – Вы не скажете, где Монсеньор и что с моей сестрой?

– Регент уехал, – не стал скрытничать Валме, – можно даже сказать, умчался. Вместе с Эпинэ и Уилером. Ты его напугал.

– Я не хотел...

– Ну это как посмотреть, – начал виконт и вспомнил сакранские розы и обещание, которое, как честный человек, был обязан исполнить. – Жакна, ты настоящий молодец, регент тобой очень доволен, и он к тебе обязательно вернется, ведь ты достоин.

– Жакна? – рэй отчаянно захлопал глазами и даже слегка порозовел. – Что это такое?

– Это твое бакранское имя. Будущий Первый маршал Великой Бакрии искал талигойского побратима, но никто, кро-

ме тебя, не годился. Я подтвердил ваше побратимство и назвал его Герардом, надеюсь, он тебе понравится.

– Я не читал об этом обычае. О Сагранне так мало написано.

– Было, – бодро заверил Марсель, – но мы это исправим.

– Водичка, – умница «фульгат» приволок целый кувшин, – но, может, чем другим поправиться?

– Нет, – решил Марсель, поймав растерянный щенячий взгляд, – пей свою воду и спать. Все равно до завтра сидим здесь.

Герард кивнул и приник к воде, теперь он походил на Котика, увы, отсутствующего: пес помогал «закатным кошкам» в поисках разъездов Савиньяка. Тащиться без должной охраны по местам, где запросто могут разгуливать свихнувшиеся дриксенцы, виконт не собирался.

– Сударь, – напившийся рэй поставил кружку и вздохнул, – если вы из-за меня... Я могу ехать, сегодня сражение!

– Ну, сражение... Нас это не касается, к тому же твой соберано спер у меня Капитана, и вообще это теперь его дело. Кыш спать!

Герард больше не трепыхался – то ли поверил, то ли оценил свои возможности. Виконт проводил взглядом пошатающееся несчастье, ковырнул в миске и сообщил «фульгату», что если примпердор к драке опоздает или, наоборот, явится туда зря, то это будет свинством. По отношению к рэю Жакне.

– Провели к столу, двери прикрыли, – Вюнше торопился и чуть не глотал слова, – слышно ничего не было, сели. Начали откушивать, потом Маркус, вы ж помните, он на ухо чуткий, будто почуял что. Решили проверить, высунулись – вроде ничего, тихо. Я на всякий случай прошел дальше, глянул за угол, порядок! И у ворот караулят, и у крыльца; я назад, а тут – пироги... Ну не слышать ничего было, хоть режьте!

– А чего вас резать? – Руппи пробежался взглядом по несчастным рожам. Солдаты влетели в ту же ловушку, что и фельдмаршал со свитой, только их не стали убивать. То ли отложили на потом, то ли Вирстен рассчитывал, если все сойдет тихо, перехватить вожжи.

Скрипнуло, явился папаша Симон, пора было заканчивать.

– Полуроту к фельдмаршалскому флигелю, – хмуро распорядился Руппи, – остальным перерыть форт! Не всех же мы с... отцом положили. Киппе, со мной.

Времени на разговор было ровно столько, сколько требовалось, чтобы выбраться на улицу и пройти двумя дворами. Руппи только и успел что спросить, не заметил ли палач чего необычного. Оказалось, со слугами у предателей вышло не хуже, чем с вояками: Вирстен накрепко приучил всех как к своей подозрительности, так и к тому, что излишнее любо-

пытство чреват неприятностями. Всех, кого не выставили из форта с поручениями, отправили праздновать подальше, как думалось, от глаз начальства. Пушечная канонада в главном доме еще могла бы привлечь внимание угощавшихся на складах, но вот пару одиночных выстрелов и стук клинков слышали только сами убийцы.

– Дурное дело, – негодовал палач, – и времена дурные! На самого командующего руку подняли, злодеи, а хуже всего обман. Мы верили, что господин фок Вирстен о кесарии печется, оттого и строгости, а он измену замыслил, да еще на праздник.

– Бруно с тобой согласен, – почти хохотнул Руперт. – Вирстен жив, и заниматься им тебе, хотя у вас же вроде беспристрастно положено?

– Положено, чтоб в точности по Благословенному списку, а так – мы же не истуканы! Думать всякое можно, главное, чтоб на деле не сказалось. С инструментами тут беда, ну да Создатель не оставит, придумаю, но помощники нужны будут. Двое, никак не меньше.

– У Вюнше возьмешь, – решил Руппи. – Ты всех знаешь, выберешь подходящих.

– Его бы самого. Понятливый, и сила есть.

– Вюнше так Вюнше.

У входа красовался Уилер в офицерском плаще с лебедем – кровавый маскарад продолжался.

– Понси, – «закатный кот» то ли шутил, то ли подсказы-

вал, что лучшим паролем будет то, что памятно и понятно лишь двоим.

– Вирши, – будничным штабным тоном откликнулся Руппи. – Оксхолл.

– Зубы. Проходите.

– Киппе, останься пока с капитаном.

Остается открыть дверь и шагнуть в пропахшее сразу кровью и подливами тепло. Туда, где ты разминулся со смертью, входить непросто, как бы ты ни понимал, что смерть успела убраться, по крайней мере твоя. Здесь все уже случилось, так что спокойно! Спокойно, тебе говорят, знамя ты гвардейское, встряхнись и забудь. До конца боя, до вечера, до ядерной рейтарской можжевеловой, тогда хоть вой, хоть по полу катайся, а сейчас изволь одернуть мундир и вперед.

Пять шагов коридорчиком, которым сегодня прошел Ворон, уцелевшая портьера с серебряными лебедями, горящие свечи... Трупы так и валяются, где упали, а двое живых перебрались в кресла у печи, там чисто.

– Господин командующий, – доложил Руппи, – внутренность форта взята под охрану ротой Вюнше, снаружи охрану несет капитан Рауф. Симон Киппе, согласно вашему распоряжению, ожидает у входа для слуг. Все необходимое для... появления герцога фок Фельсенбурга собрано.

– Вы уложились в предписанное время, – скривил губу Бруно. Голову и руку фельдмаршала украшали аккуратные повязки, но он... допивал шадди! – Садитесь и угощайтесь,

вряд ли в ближайшее время у вас появится возможность подкрепиться. Герцог, я вынужден заметить, что вы много на себя берете.

– Несомненно, – согласился Кэналлийский Ворон, – но сегодня вам не оставили выбора. Сейчас фок Ило ждет вестей от заговорщиков, однако у него в запасе могут быть и другие козыри, у меня бы они были. Тех, кто решит драться на этих холмах, можно просто отлично застать врасплох, я это выяснил, когда отбирал Гельбе у кесарии. Сражения у нас с вами тогда не вышло, но лишних знаний не бывает. В самом центре позиции, у Жабьей горки, как мы ее прозвали, более чем вероятен прорыв. В теории врага остановит плотный огонь, но открытого пространства там всего ничего. Если наступать быстрым шагом, не считаясь с потерями, дойдешь, а оборона у вас, по сути, в одну линию. Вторая из-за ручья слишком далеко, случись что, на помощь оттуда не успеть.

А ведь в самом деле! Фок Ило будет топтаться на месте, пока не поймет, что не выгорело, после чего ударит. Положит кучу своих придурков, но центр прорвет, выйдет с тыла на батарею, а дальше бей в любую сторону...

– Пожалуй, – Бруно тронул голову, – пожалуй, против нас... в самом деле сумасшедшие. Этот подлец, сам надевшийся на клинок, признаться, меня потряс. Я готов поверить, что от них можно ждать самых диких решений.

Глава 2. Гельбе

1 год К.В. 1-й день Зимних Скал

1

Обычно маршалы лично в бой не лезут, но Эпинэ в лучшем случае тянул на генерала средней руки, другое дело, что места в разгорающейся драке ему не предусмотрели. Конечно, Савиньяк мог заткнуть приятелем детства какую-нибудь дыру, благо того приволок сам Алва. Приволок, наскоро огляделся, сменил коня и, бросив «тебе там делать нечего, а у Эмиля что-нибудь найдется», умчался вместе с Уилером.

Застигнутый врасплох Эмиль тряханул неожиданному гостю руку, заверил, что за полчаса никто не сдохнет, и крикнул ординарца. В роскоши командующий Северной армией не купался, но мундир, чистая рубашка и торская меховая куртка в его палатке нашлись, как и мясо с приличной горчицей. Робер проглотил пару кусков, потянулся было за третьим, но передумал и с сожалением накрыл блюдо расшитой трехцветными фиалками салфеткой. Бессонная ночь и шесть часов в седле уже всю сказывались, если вдобавок еще и обожраться, будет просто не встать.

Шадди во время боя не пьют, но яркое солнце и холод сплющцы тоже не жалуют, так что на «маршальскую горку»

Иноходец поднялся почти бегом. Савиньяк, как и положено, обзирал в трубу то, что получалось обзреть, одновременно слушая кого-то длинного и недовольного. Чуть дальше топталась, ежилась и выдыхала пар свита. Перевязь, любопытство и возобновленное знакомство обязывали тереться возле Эмиля, но сбивать командующего с мысли Робер не хотел, оставалось разобраться в происходящем самостоятельно. Эпинэ еще раз оглядел переступавшее с ноги на ногу общество и столкнулся с прямым веселым взглядом. Очень знакомым. То, что перед ним отнюдь не Балинт, Иноходец сообразил, когда объятий стало не избежать.

– Быть веселью! – силушка у алата была под стать плащу – медвежьей. – Хорошо, что успел. Пойдем вместе?

– Пойдем! – выпалил по-алатски Робер. – Только справлюсь ли?

– Да что б ты, да не справился! – Витязь немедленно перешел на родной язык. – Брат тебя хвалит, Ворон с тобой в дружбе, куда тебе деваться?!

– Гашпар? – припомнил рассказы Балинта Эпинэ. – Гашпар Карои?

– Да уж не Габор с Дьердем! Откуда бы им здесь взяться? Братья, что ли? Похоже, что да, отца вроде Шандором зовут...

– Будь другом, объясни, что творится, – вывернулся Иноходец. – Только на талиг, я, по-вашему, не слишком...

– Врешь ведь! – Карои уже отцепил и открыл флягу. – И

про что «не слишком», и про что не знаешь... Живи!

– И ты живи! – К жидкому огню тоже привыкаешь. – Рокэ не до меня было, да и скакали шустро, не спросишь. Знаю только, что мы вытаскиваем Бруно.

– Ворон есть Ворон, на голову сваливаться умеет, – согласился на талиг Гашпар. – В Бордоне мы чудом в обморок не попадали, по второму разу оно проще... Куда он теперь хоть сорвался?

– Спроси что полегче! Не ждал бы серьезных пакостей, так бы не гнал. Ты обещал про сражение.

– Ну так вот оно, – алат указал фляжкой на слепящие глаз склоны, – прямехонько перед нами. Своего намерения – садануть старого быка еще и в бок, дриксы... которые гады, не оставили. Гады сползлись двух видов, эйнрехтские, у них какой-то фок Ило командует, и горные. По всему выходит вот как. Основные силы горников против Ариго стоят, думают опрокинуть его. И тогда вот фок Гетц, помнишь ведь такого, до Бруно доберется. В центре и на правом нашем фланге – видишь, в замерзшую речку он уперся – тише. Артиллерийская перестрелка идет и там, но всерьез пока никто не наступает.

– А перед Бруно сейчас что?

– Леворукий знает. Если Рокэ взялся разгребать гусиные беды, можно не забивать себе ими голову, нам и своих врагов в избытке достанется. Хотя какой избыток во врагах? – витязь с некоторой задумчивостью приложился к фляге, до-

вольно ухнул – хороша ведь – и протянул благодать Роберу.

2

Штурриш приподнял шляпу, он еще ни кошки не знал и, как всегда, рассчитывал на что-то веселое, за которое потом заплатят. Да уж!

– Господин полковник, я прибыл.

– Помнится, вам хотелось покуролесить с Кэналлийским Вороном?

– Мне и с вами неплохо.

– Расхотелось?

– Если вас убьют или вы меня прогоните, опять захочу.

– Меня уже не убили, – Руппи взглянул каданцу в глаза, – Бруно помяли, но не слишком. Армией, нашей армией, взялся командовать Ворон, но со стороны он должен выглядеть... герцогом Фельсенбургом. Моим отцом.

– Ничего ж себе!.. Что делаем?

– Гоняете всех. Сейчас Бруно с Алвой... с «господином канцлером» отправятся в ставку. Мы с Бруно поднимемся к Гутеншлянге, а вы останетесь с Вороном и будете исполнять его приказы. Любые. Потом я спускаюсь, вы берете нас в кольцо, а дальше как карта ляжет.

– Как-нибудь да ляжет! Фельдмаршала-то кто пасти будет?

– Рауф с рейтарами. О Вороне пока знают Бруно и я,

встретим отца Луциана, узнает еще и он. Да, с нами будет еще один фрошер, капитан Уилер. Он из «фульгатов», ссудите ему куртку и шляпу.

– Пусть заплатит хоть медяк, а то удачу профукаем.

– Разбирайтесь как хотите. Еще двоих «фульгатов» задами проводите до фрошерских постов, по возможности без объяснений. Если что, вы слышали, что господин канцлер ехал в обход через Гаунау и Талиг.

– Всё?

– Пока всё. – Осталось переседлать чужого коня и отогнать Вюнше. И еще... Штурриш!

– Да, господин полковник.

– Как подъедем к ставке, зацепите рейтар. Дескать, во-яки-то вы хоть куда, только ни Вирстена прихлопнуть, ни Фельсенбурга признать, зато за пирогами первые.

– А что, не так разве?

– Так. Почти... – процедил сквозь зубы Руперт, понимая, что на него накатывает. Глупо и не ко времени, хотя, когда это бешенство бывает к месту? Разве что в углу, куда тебя загнали по твоему же тупоумию! – Исполняйте.

Лишь чудом не поддав ногой припорошенную снегом корзину, будущий брат будущего кесаря рванул к коновязи. Серого в яблоках мориска он узнал сразу – на этом диве ездил старший Савиньяк. Жеребец был строгим, но памятьливым, Морока он, по крайней мере, признал, а тот как-то втолковал родичу, что Фельсенбург достоин доверия. Переседлать ко-

сящегося красавца удалось на удивление легко. Иссиня-черный с серебром фельдмаршальский вальтрап ему шел несказанно, особенно на фоне искрящегося снега.

– Пошли, – зачем-то сказал коню Руппи, беря смилостивившийся шквал под уздцы. – Эномбрэдастрапэ.

3

Серые, уже отнюдь не ровные прямоугольники вражеской пехоты начали пятиться, а из балок за их спинами выметнулась «горная» кавалерия. Довольно-таки посредственная, и уж точно не ровня «вороним», что Шарли тут же и доказал. Наглуую попытку просочиться между центром и правым крылом и пройтись по тылам бергерских батальонов Себастьян отбил роскошным встречным ударом, чем привел и так всю грызущих удила алатов в завистливое бешенство.

– Ждите, – отрезал Савиньяк в ответ на достойный Катершванца намек.

– Мы-то ждем, – скривился Карои и кивнул на соседа, – а вот Робер может не понять. Он, между прочим, на войну спешил, ну и где та война?

– Ничего, – проявил смирение материн приемыш, – я подожду.

– И правильно сделаете, – поспешил на помощь начальству Хеллинген. – Алатская конница – наш главный козырь. Мы очень надеемся, что дриксы ни о чем не догадывают-

ся. Господин Эпинэ, вы не представляете, как тщательно мы скрываем присутствие витязей!

– Вот-вот, – подхватил предводитель означенных витязей. – На марше прятали под какими-то тряпками, у Доннервальда так разместили, что флюгеров и тех не разглядели...

– Это было необходимо.

– Это было скучно!

– Карои, вы же воин, вы должны понять...

– Нет уж, это вы должны понять, что я воин...

– Я понимаю, но с вашей стороны...

– Мой маршал, – прервал перепалку подбежавший Сэц-Пуэн. – Рединг докладывает: вернулись двое из людей Уилера. Кроме того, Редингу...

– Погоди, не так быстро!

Как же в последние месяцы Эмиль возненавидел все эти «кроме того», «почти как мы и предполагали», «приходится незначительно изменить»... Эдакие серенькие обертки для черных гадостей, думаешь – безвкусно, а внутри – отрава: в лучшем случае наизнанку вывернет, и хорошо, если только тебя.

– Хеллинген, Гашпар, – Эмиль сдвинул шляпу на самые глаза, – продолжайте в том же духе, я скоро вернусь. Робер, не давай этим орлам себя запугать, у нас все в полном порядке.

Он не соврал, все в самом деле оказалось в порядке! «Фульгаты» всего-навсего привезли записку, которую мог

накарябать лишь по уши занятый Рокэ. *«Ждешь неожиданностей?»* – значилось на заляпанном, очень похоже, сразу и кровью, и шадди листке. – *Правильно. Смотришь на левый фланг? Тоже правильно, но мало. У меня тут весело, и поселиться нам, похоже, вместе. До встречи или до вечера. Радуйся!»*

– Ну, спасибо! – пробормотал Савиньяк, испытывая жгучее желание кому-нибудь врезать за оказавшийся пустышкой страх. Ближе всего была свита: обормоты тарацились на командующего, похоже, забыв не только о сражении, но и о морозе. Командующего это, может, и повеселило бы... в другой день.

– Желаете знать, не поступило ли каких указаний? – Эмиль оскалился, чувствуя себя слегка Лионелем. – Поступило. Ждать неприятностей.

Свита глубокомысленно заморгала и зашмыгала покрасневшими носами, потом кто-то пушечно чихнул.

– Будьте здоровы, – нежно пожелал Савиньяк, берясь за трубу. Расшалившийся ветерок отогнал пока еще легонькую пороховую дымку, благодарные снега тут же вспыхнули разноцветными блестками, будто напомнили, что праздник. *«Ждешь неожиданностей? Правильно...»* Нет бы написать, откуда! Слева, где стоит Ариго, это само собой, а еще? В центре? Со стороны реки?

Происходящее на некстати рассиявшемся поле видимых угроз не сулило и срочного вмешательства не требовало. И

Ариго, и Фажетти с Райнштайнером с делами справлялись и высокое начальство не беспокоили, стой на кургане да радуйся, то есть *жди неприятностей!* Да ждет он, ждет! То, что затевается какая-то пакость, и кашеварам ясно, вот отсутствие оной со стороны Гетца будет глупостью, а предводитель «уларов»² отнюдь не глупец.

– Господа, ваше мнение?

– Всё, как мы и думали.

– Да, пока ничего неожиданного.

– Именно, что «пока».

– То, что видно, и понимать нечего, – Карои сощурился, напомнив вредину Ли. – Горные красавцы собираются взяться за вас всерьез. Атаки начинаются сразу и в центре, и на обоих флангах, а мы тут грустим. Ведь грустим, а, Робер?

– Хотел бы я знать, – Эпинэ пропустил подначку мимо ушей, – у них там бесноватые или все-таки нет? При пусть и небольшом численном превосходстве и равной выучке бесноватость – козырь очень весомый.

– Сам об этом думаю, – не стал темнить Савиньяк. – Сходиться в бою с большой оравой этих тварей мне еще не приходилось. Как оно?

– Мерзко. Жаль, буераки позволяют дриksam накапли-

² Улары (горные куры) – род птиц семейства фазановых, распространены в высокогорных районах Золотых Земель от Сагранны до Торки. Находятся в родстве с нухутскими петухами, однако значительно уступают им в размерах. Оперенье преимущественно серо-черное, как и форма Горной армии кесарии Дриксен, что и послужило причиной данного горникам прозвища.

ваться для атаки так близко. Артиллерия их не достает, а мушкетным огнем, даже сильным, бесноватых удержать трудно.

– Я слышал, на Кольце летом-осенью ты их бил очень прилично, а ведь данарии, когда дорываются до ближнего боя, себя не щадят.

– Данарии прежде всерьез не воевали. Предел этой сволочи – заштатные гарнизоны, а горники пороха нанюхались вдосталь. Помнишь Ежевичную?

Ежевичную Эмиль помнил просто отлично. Вскоре после схватки над заросшей ползучими колючками речонкой Ро... тенъент Эпинэ убыл в двухмесячный отпуск. Вернулся сегодня, почти через восемь лет. Мать за него переживала и по-своему была права, только нынешний Иноходец смотрит на сражение не как тенъент, капитан, да хоть бы и полковник. У нынешнего Робера генеральский взгляд, он понимает, *что* происходит, почему и зачем.

– Хорошо, что ты вернулся... Во всех смыслах.

– Спасибо.

После таких признаний либо пьют, либо замолкают. Они и замолчали, глядя на ворочающуюся в снегах драку.

Глава 3. Гельбе. Талиг. Акона

1 год К.В. 1-й день Зимних Скал

1

Это было, да-да, *это было* ужасно в своей некуртуазности, но ночью Марсель на девицу толком и не взглянул, впрочем, она сразу куда-то делась, как позднее выяснилось, к знакомым «фульгатам». Последующая суматоха, перепалка с Рокэ, который, видите ли, нуждался не в офицере для особых поручений, а в его кобыле, и слегка душераздирающее прощание с Эпинэ затмили дочь выходца окончательно. На покой Валме удалился в рассуждениях о грядущей битве и гнусном поведении некоторых регентов, однако ночь кончилась, все выпались, и откладывать знакомство с дамой стало неприлично. Валме завязал лучший из уцелевших шейных платков и отправился наносить визит девице Арамона, которая оказалась просто невероятной. Сраженный словно вытряхнутой из северной баллады красотой Марсель зазевался, подыскивая достойный комплимент, но девица ждать не собиралась.

– Вы уже видели Герарда? – немедленно спросила она. – Боюсь, ему сейчас очень плохо, он ведь до вчерашнего дня тропами Холода не ходил, а тут сразу две дороги. И еще бес-

новатые, которых пришлось дразнить. Это нетрудно, хоть и противно, только Герард думал, что его убьют, и переживал за нас с мамой и своего маршала. Понимаете, второму Савиньяку было неловко отправлять Герарда и господина фок Дахе на смерть, но иначе не получалось спасти Бруно, который нам сейчас очень нужен.

– Я видел Герарда. – Если понимаешь хоть что-то, с этого и начинай. – Вашему брату в самом деле плохо, и он снова лег спать. Не знаю, слышали ли вы обо мне. Виконт Валме.

– Мне про вас капитан Уилер рассказал, – осчастливила красавица. – И Герард тоже немного писал. Еще из Фельпа. Вы извините, что я сразу пошла к «фульгатам», но я должна была сказать капитану Уилеру одну вещь. Понимаете, мне пришлось про него наврать, хотя я этого не люблю. Есть вещи, которые можно хорошо и быстро сделать, только сказав неправду. Конечно, некоторые так не делают, и у них ничего не получается, тогда они начинают жаловаться и злиться.

– Совершенно с вами согласен, – выдавил из себя окончательно очарованный виконт. – Сударыня, вы завтракали?

– Конечно, – девица еще шире раскрыла и без того огромные глаза. – Ведь скоро будет пора обедать.

– Вот и хорошо, – не стал вдаваться в подробности виконт, – вы не прочь пообедать в моем обществе? Герард в любом случае спит, а трогаться с места до возвращения разъездов я не намерен.

– Топырь... Сержант Леблан так и сказал. Сударь, воз-

можно, вы не знаете, но капитан Уилер отправил двоих человек в Акону. Там осталась моя подруга, она будет волноваться, кроме того, на ней генерал фок Дахе и герцог Надорэа. От господина Вернера неприятностей не будет, и ему надо отлежаться после вчерашнего, а вот герцог Надорэа может удрать к моей маме и при этом наговорить лишнего.

– Я вас понимаю. Видите ли, мы путешествовали с герцогом Надорэа, когда он еще таковым не являлся, и осведомлены о его, гм, чувствах. Сударыня, надеюсь, вы мне доверяете?

– Разумеется, ведь вам доверяет Монсеньор.

– Это вам Уилер рассказал? – на всякий случай уточнил Марсель.

– Я сама поняла, я же вас видела вместе. Понимаете, я немного странная. Сперва я думала, что просто не засыпаю от выходцев и вижу, когда нет тени, а теперь думаю, со мной еще что-то. Мои подруги, обе... Они мне сразу поверили, а ведь они меня не знали, зато в их жизни было много нехорошего. И Монсеньор... Граф Савиньяк, он ведь тоже Монсеньор?

– И еще какой!

– Вот видите. Он мне тоже верит, зато бесноватые меня терпеть не могут, а теперь еще кое-что прибавилось. Я раньше об этом не думала, но меня очень не любят многие дамы и девицы. Они стараются не подавать вида, а я все равно чувствую.

– Это как раз неудивительно. – Какой восхитительный разговор! – Вы необычайно хороши собой, дамы такого не выносят.

– Мне об этом говорили, но ее величество меня любила, и Мелхен с Айрис; я даже графине Савиньяк нравлюсь, хотя при встрече с ней повела себя неподобающе. На меня напал бесноватый, и я заставила показать его Монсеньору, а надо было заплакать или упасть в обморок, хотя нарочно такое не выходит. Вы не хотите называть меня Селина или Сэль? По моему, так удобнее.

– Несомненно. – Создатель, да ей только переливчатого хвоста для полного совершенства не хватает! – Сэль, значит, вы чувствуете ложь?

– Нет, что вы! Я понимаю только, когда не чувствуют, а притворяются. Это как с кошками. Вы же отличите, когда кот у вас что-то выпрашивает, и когда он за вами полезет даже в неприятное место? Только коты, когда терпеть кого-то не могут, не просят, а нападают, люди хитрее.

– Опять-таки вынужден согласиться. – Какое счастье, что деве не пришлось по сердцу Альдо с его роскошной челюстью! – Вы не могли бы рассказать мне о вашем с братом путешествии? Монсеньора больше занимают дела сугубо военные, но появление Герарда в Аконе тоже очень любопытно. Должен сказать, что я знаком с капитаном Гастаки и вашим покойным батюшкой, некоторые вещи мне можно не объяснять.

– Я очень рада, – девица Сэль сверкнула белоснежными зубками. – Объяснять про выходцев очень трудно. Я вам все расскажу, а потом вы мне расскажете про казара Баату. Его ведь можно считать королем?

– Я бы сказал, что его нельзя считать никем иным. Вы не против, если на обед нам подадут жаркое из курицы и кэналлийское? За вино я ручаюсь, с жарким придется довериться хозяину.

– Хорошо, что вы пока незнакомы с Мелхен. Она так готовит птицу, что после вам все покажется неправильным.

– То есть жаркого вы не хотите?

– Хочу, но я не мужчина, и потом, я всегда могу вспомнить, как готовили в Надоре.

– Наверняка это было ужасно! Обычно я избегаю оборота «это было», но в данном случае он уместен, ведь Надора больше нет, следовательно, нет и надорских обедов, а северная кухня в целом при всей своей простоте вполне терпима. Особенно пироги.

2

Гутеншлянге с командующим гвардией времени зря не тережили. От присланных пирогов остались две горбушки, в которых и начинки-то не было. От души угостившиеся генералы с достоинством поднялись, приветствуя возвращение тоже, как им думалось, откушавшего фельдмаршала, и засты-

ли, таращась на свежие повязки.

– Против меня был составлен заговор, – Бруно поморщился не то от боли, не то от отвращения, – во главе которого стоял фок Вирстен. В результате предпринятого покушения погибли граф фок Шрёклих-ур-Раух, барон фок Неффе-ур-Фрохеамсел и все свитские офицеры. С сего дня я должник Фельсенбургов, чье мастерство в обращении с оружием спасло мне жизнь.

Должен отметить, что неожиданно и крайне своевременно прибывший герцог проявил несомненную тактичность, под благовидным предлогом уклонившись от участия в нашем совещании. Предательство фок Вирстена – дело Южной армии кесарии Дриксен. Я намерен выполоть эту сорную траву до последнего корня, однако закон есть закон. Фок Гутеншлянге, с этой минуты трибунал возглавляете вы. Нам с вами предстоит допрос фок Вирстена и его сообщников, но это требует некоторой подготовки, которая уже ведется.

Кого назначить начальником штаба и генерал-интендантом, я решу вечером. – Фельдмаршал уселся в свое кресло, давая понять, что далее говорить о покушении не расположен. – Омрачившие праздник отвратительные события не должны сказаться ни на исходе сражения, ни на возмездии. После некоторых раздумий я принял решение оставаться у главного знамени, откуда буду осуществлять непосредственное командование центром, на который, исходя из ряда предпосылок, обрушится основной удар.

В общий ход сражения я вмешуюсь лишь в случае крайней необходимости. Текущее командование передано высокому гостю, который намерен осуществлять его на манер своего прадеда, то есть непосредственно с позиций. В настоящее время он с выделенной в его распоряжение охраной отбыл на известный вам Кривой холм, с которого начнет объезд армии. Сопровождать герцога по ряду очевидных причин будет Руперт фок Фельсенбург со своими людьми; соответственно, охрану знамени принимает капитан Рауф. Гунтешлянге, вы желаете что-то сказать?

– Да, господин командующий. Я не был осведомлен о появлении своего родственника. Уверяю вас, если бы я об этом знал, то немедленно бы сообщил, но я не сомневался, что Фельсенбурги находятся в Штарквинде.

– Вот как? – фельдмаршал отодвинул остатки пирога и попытался помузицировать здоровой рукой. – Мне казалось, капитана моей личной охраны вы все же заметили.

– Я имел в виду герцога. Уверяю вас...

– Прекратите! Я не сомневаюсь, что вы были осведомлены о сегодняшнем сюрпризе не более, чем наследник Фельсенбургов, а для него встреча оказалась полной неожиданностью. Не так ли?

– Да, господин командующий, – подтвердил Руперт, изо всех сил стараясь не глядеть на развернутую еще покойным Шрёклихом карту. Вот и гадай теперь, было у начальника штаба предчувствие, или он просто опасался военных сюр-

призов. – Я бы обязательно сообщил о появлении своего отца.

– Ваше сходство производит впечатление, – добавил Бруно. – И дело не только и не столько во внешности. Отправляйтесь и помните, что прежде всего вы – полковник моей армии, и лишь потом все остальное.

– Да, господин командующий, я помню.

Щелкнуть каблуками, не заметить взгляда Гутеншлянге, повернуться, выскочить из палатки, взглянуть вверх, где бьется по ветру кесарский Лебедь... Как же не хочется менять его на змеев Штарквиндов, но тут уж никуда не денешься: малышу Ольгерду кесарем не бывать, теперь это ясно.

– Идешь? – у Рауфа серьезность вот-вот из ушей ползет, как же после покушения да без серьезности?

– Иду. Ты пароль придумать не хочешь?

– Я?

– Почему бы и нет? После Вирстена доверять можно только фрошерам, а им доверять нельзя, да и нет их здесь. Так какой пароль?

– Может, лебедь?

– Угадают, лучше... ворон. А отзыв – морок.

– Договорились. Удачи вам там...

– А тебе тут.

Вниз, утопанной подручными Неффе тропинкой. Если поискать, найдешь следы и убитых, и предателя. О Рейфере он беспокоился, сволочь! И ведь придумал же... Стоп, а

придумал ли?! Вернуться и объяснить? Некогда, да и не стоит мешать Бруно врать, так что придется самому.

Морок танцует, прижимая уши – рвется в бой, в спину пялится куча трущихся у знамени дурней, но ты при деле и не оглянешься! Вот время проверить можно. Полчаса, как и договаривались.

3

После праздника рано поднимаются только слуги. Хромой полковник с докучливым Эйвоном не покидали своих спален, но Мэллит, почувствовав голод, спустилась на кухню и разогрела для себя мясо с сыром, после чего принялась за уборку. Девушка знала, что делать с покинутой посудой и припасами, однако не представляла, как объяснить проснувшимся отсутствие Селины. Нареченному Герхардом разумней всего сказать правду, но оставались гости, один из которых глуп, а второй ранен и огорчен. Мэллит убирала специи, протирала утварь и подбирала слова для обоих, а первым явился кот. Именуемый Маршалом встал напротив гоганни и стал громко и скорбно кричать, не сводя с нее полных укора глаз. Селина говорила с черно-белым, словно он был разумен, и Мэллит начинала этому верить.

– Та, о ком ты желаешь знать, – объяснила гоганни, – ушла с братом своим тропой Холода. Сэль не верит в стойкость и мудрость Герарда и решила проводить его, чтобы породив-

ший их не начал плутовать. Так было нужно, а кормить тебя стану я, жди.

Печень особого гуся стала бы украшением обеда, но кот отверг и ее, и бывшую гордостью молочника сметану. Маршал сопровождал Мэллит от ларя к окну и от печи к кладовой, не переставая скорбеть и жаловаться. Хриплые крики навевали дурные мысли, и девушка решила отвлечься, порадовав променявших праздник на долг солдат. Припасов хватало, отсутствие же ленивой Бренды шло лишь на пользу. Гоганни кончала нарезать сельдерей, когда раздались шаги и раздосадованный кот вскочил на ларь. Обычно с гостем заговаривала Сэль, но подруга ушла, и Мэллит присела в талигойском женском приветствии.

– Доброе утро, господин Надорэа, – произнесла она. – Пусть первый день зимы принесет вам радость.

– Спасибо, милое дитя, – гость не стал спорить и говорить о глупом кузене, он был взволнован и чего-то хотел. – Где брат твоей подруги, я должен немедленно переговорить с ним!

– Это невозможно. – Надо говорить, как говорят офицеры, ведь она осталась за старшую в доме. – Селина и Герард уехали по срочной надобности. Вы будете заливное мясо или полагаете его неприятным?

– Я должен ехать! Я должен ехать немедленно. Вам, Мелхен, этого не понять... Я вам очень признателен и желаю от всей души обрести счастье с достойным вас кавалером, но

я еду!

– Вы не можете ехать, – она тверда и равнодушна. Именно так говорят со странными, и они слушают. – Сегодня все радуются, даже солдаты, а дороги опасны. У вас нет подорожной, без нее вас не выпустят из Аконы. Вы должны ждать и не должны изнурять себя. Кухонная сегодня дома, но я с радостью накормлю вас.

– Да-да... Я поем и поеду. Конвой мне не нужен, ведь у меня нечего взять, но с подорожной вы правы. Я разыщу коменданта Аконы и изложу свои обстоятельства, он должен войти в мое положение! Я не могу сидеть и ждать, когда лучшая из женщин... Уверившись в моей гибели, она может решиться на непоправимое!

– Почему? – решила узнать Мэллит. Отъезд странного ее бы обрадовал, но Сэль сказала, что герцога Надорэа нельзя выпускать, ведь он видел многое и не разбирает, когда говорить, а когда молчать.

– Вам этого не объяснить! Вы – цветок, дивный лесной цветок, которому ведомы лишь надежды! К несчастью, любовь не всегда устилает наш путь анемонами и не всегда приходит в юности, я познал ее лишь недавно и не верю, что она греховна.

– Вы правы, – на всякий случай согласилась гоганни и посторонилась, пропуская передумавшего кота к мискам. – Анемоны приятны для глаз, но я люблю иммортели.

– Иммортели – цветы зрелости и печали. Столь юной осо-

бе больше пристали незабудки и анемоны, но об этом вам скажет ваша матушка. Мелхен, я выеду сразу же после завтрака. Жаль, что я не переговорил с юным Герардом. Мальчик появился и исчез так внезапно...

– Рэй Кальперадо, – нужно говорить много и ни о чем, тогда гость запутается, – очень достойный военный. Его ценит маршал Савиньяк.

– Герард, несмотря на свою юность, глава фамилии, и мне следовало бы его уведомить о моих намерениях в отношении его матушки. Тем не менее я обойдусь без этого, регент на моей стороне, иначе он не упомянул бы будущую герцогиню Надорэа. Законы Олларов отвратительны, но я рад, что регент вправе разрешить любой брак, а из олларианского монастыря можно вернуться. Кузина никогда бы не простила мне этих слов, они ужасны, и я готов ответить за них перед Создателем, но не сейчас. Вы очень добры, Мелхен, однако я должен спешить. С вашего разрешения, я возьму в дорогу немного хлеба и мяса.

– Подождите до завтра. – Так бы сказал воин Дювье, и его бы поняли. – Вам нужен спутник.

– Я не могу ждать, я видел сон. Чудовищный сон, я должен остановить... Не отпустить... Мертвые супруги – это вечная разлука или необратимый шаг. Дайте мне хлеба и скажите, где живет комендант.

– Я не знаю, но он... Он в отъезде!

– Неважно. Акона – большой город, его не оставят без на-

чальства, я найду. Прощайте, сударыня.

– Я войду в чулан и соберу хлеб, мясо и лук. – Нареченный Эйвоном сходит с ума. Его не удержать, но отпускать его нельзя. Глупый заговорит, и тайна перестанет быть тайной и станет бедой. – Я буду спешить.

– Благодарю вас, я подожду.

Нареченный Эйвоном не должен выйти из дома до возвращения Сэль, и он не выйдет. Звать на помощь, искать выход, думать некогда, остается одно, найденное и испытанное в день удачи. Над ларем с утварью висят молотки для мяса, но как труден выбор! Первый, большой и тяжелый, может причинить непоправимый вред, а малый, с красной рукоятью, удобен, но слишком лёгок. Он пришелся бы впору, обладай ничтожная статья Роскошной или хотя бы одной из живущих в доме на углу девиц, но, если тело не готово к поясу невесты, а руки слабы, их нужно усилить. Последняя колотушка грозит раздирающими волокна шипами, она тоже опасна, остается вторая с краю, она должна подойти... Снять, обтереть, примериться к рукояти, скрыть под передником, выйти и улыбнуться, обязательно улыбнуться. Герцог Надорэа ждет, его жаль, но мужчина не кот, его не посадишь в корзину и не запрешь в погребе. Теперь нужно, чтоб он отвернулся, и это трудно, ведь непонятливый вежлив. Ничего, в кухне есть окно, а за окном – птицы.

– Смотрите, – весело вскрикивает гоганни, – он там! Красногрудый и радостный!

Гость обернулся, и Мэллит ударила. Это было страшнее, чем в прошлый раз, ведь она хотела всего лишь остановить, а нареченный Эйвоном не нес в себе злобы, только неуместную глупость. Руку пронзила уже знакомая боль, и гость упал между ларем и окном; он задел корзину для рыбы, и та накрыла лежащего подобием шляпы. Мэллит наклонилась и взяла большую руку, жилка на ней билась, а дыхание не было хриплым. Она угадала и с молотком, и с ударом, оставалось солгать. Девушка подняла бутылку с маслом для жарки и плеснула на пол. Торопливая, она была неаккуратна, и герцог Надорэа поскользнулся. Она испугалась и побежала за помощью, она была вне себя и повернула ключ в замке, она в самом деле боится...

На лестнице девушка остановилась, решая, у кого просить помощи. Большой Герхард понимает многое, но его оставил полковник Придд, а первородный Ли велел беречь тайну графини Борн. Начав думать, умный не остановится, он не должен узнать, что упрямца остановили колотушкой для мяса, ведь тогда он может вспомнить о камне в озере. Значит, наверх! Там, в комнате Герарда, ночует хромой полковник, ему можно верить, как воину Дювье и веселому Анталу.

Мэллит постучала, и гость вышел. Он был одет и держал одну из книг Герарда, ничтожная их тоже читала.

– Я прошу помощи, – быстро сказала гоганни. – Моя подруга и ее брат ушли по дороге выходцев к тому, кого зовут Монсеньор. Нужно доложить про войну и сражение, но Се-

лина не отпустила Герарда одного.

– Она права, барышня, – полковник улыбнулся, и Мэллит улыбнулась в ответ. – То, что с рэем Кальперадо сестра, которая, как всем известно, находится в Аконе, докажет его правдивость.

– Сэль говорит, Монсеньор ей поверит, а вот ставший холодным может обмануть Герарда и сбежать. Подруге пришлось пойти и проследить, но это ее дороги. Неумный, с которым вчера все спорили, решил покинуть этот дом, только Монсеньор запретил его выпускать. Герцог Надорэа может сказать много глупого и ненужного, это причинит вред. Я не знала, как удержать упорного, и ударила его по голове колотушкой для мяса. Я была осторожна и бережна, герцог Надорэа жив, он лежит в кухне, дверь заперта, а я не знаю, что делать.

– Идем, – добрый отец злобной дочери поднялся. – И решительная же вы барышня! Ну, да баронесса Вейзель другой быть не может.

Глава 4. Гельбе

1 год К.В. 1-й день Зимних Скал

1

Начальник штаба исчез прежде, чем Робер его как следует запомнил, сам Иноходец с Гашпаром тоже хотели уйти: алат рвался предъявить братнему другу своих красавцев, Савиньяк не пустил. Маршал больше никуда не отходил, и Эпинэ слышал все, что докладывали командующему подъезжавшие друг за другом порученцы. В центре и справа сражение шло без затей. Горники поддавливали, но не давили, а вот у пока еще незнакомого Ариго было поживее. Отброшенные генералом Шарли «горные» кавалеристы, вместо того чтобы отойти и привести себя в порядок, принялись дожимать «вороних» мелкими наездами. Обходилось им это недешево, подобная смелость всегда оплачивается кровью, и немалой, но нахалы не унимались. Вывод напрашивался сам: Гетц или отвлекает внимание от чего-то важного, или пытается связать талигойскую кавалерию... или и то и другое сразу. Значит, нужно понять, где через час-другой конница будет нужнее всего.

– Вражескую кавалерию отвлекают на одном фланге, – не выдержал Робер, – чтобы нанести удар на другом.

– Не скажи, – по-своему оценил гусиную «карусель» алат. – Раздразнить противника, втянуть в бой, а потом притворным отступлением заманить в ловушку – тоже хорошо.

– Будем справедливы, – обернулся Савиньяк, – Гетц – путный генерал и представляет, с кем связывается. Шансов окрутить Шарли у него нет, так что морочат они именно нас, дряни эдакие.

– Тебе лучше знать, – Карои и не думал настаивать на своем, – но тогда удар придется справа, вдоль реки.

– Или по руслу. Гашпар, улавливаешь?

– Чего ж тут не уловить? Они «вороных» держат, а мы тут страдаем, и вообще нас здесь нет. А вот скрытый выход к Хербстхен есть.

– Именно. Робер, хочешь развеяться?

– Хочет, – заверил Карои. – А уж мы как хотим!

– Вот и отлично, – блеснул зубами командующий. – Останется, если, само собой, мы угадали, не упустить своего. Прикроем фланг Райнштайнера – хорошо. Как следует потрепем «горную» кавалерию – тоже неплохо, но лучше бы не потрепать, а разгромить.

– Разгромим, – Гашпар красноречиво погладил рукоять сабли. – Для того и шли!

– Только зарываться не надо, и побольше донесений. Я должен знать, что у вас выходит.

– Не тревожься, – алат и не думал возмущаться. – Глупостей не натворим, как бы ни хотелось. Первым делом турну

к реке усиленный дозор. Так мы пошли?

– Поскакали, – засмеялся Эмиль, но шутка оказалась не такой уж и шуткой. Карои только что не покатился по заднему склону холма, и тут чудом державшийся рядом с разогнавшимся витязем Робер вспомнил, что с честью выдержавший ночную скачку Дракко блаженствует где-то над торбой овса.

– Я без лошади, – признался запыхавшийся Эпинэ, – Рокэ гнал, как... осенний охотник. С Дракко... с моего полумориска хватит...

– Главное, – отмахнулся на бегу Гашпар, – что тебе мало. Склон кончился, Карои махнул крутящимся у подножья «фульгатам», пронесся мимо штабных ординарцев и вылетел к пригорку, где пятном осени среди белого и серого полыхал алатский эскорт. Алели и золотились всадники, приплясывали застоявшиеся кони, играло солнечными зайчиками надраенное железо.

– Гергё, – потребовал у порученца Карои, с лету вскакивая на высокого игреневого жеребца, – одолжи-ка гици лошадку! Пишта, живой ногой к нашим! Крикни строиться и дуй к коноводам, пусть подберут, да чтоб стыдно не было!

Круглолицый, будто и не алат, Гергё без лишних слов расстался с рыжей кобылой. Пишту Робер разглядеть не успел, парень рванул так, что только снег взметнулся.

Рыжая незнакомка, разок для порядка взбрыкнув, сдала вбок и охотно пошла резвой строевой рысью. Замелькали

разные и при этом похожие, заплутаешь – не заметишь, балки и холмики, махнул веткой одинокий – хоть сейчас в песню – дуб, снежную скатерть перечеркнула крылатая тень. Надо же, в небе кто-то охотится, хотя за невысокой грядой всю ревут пушки. Ветер дует от дриков, щекоча ноздри кислой пороховой гарью – война зимой пахнет именно так, по крайней мере северная.

2

Тени стали совсем короткими, снег слепил, сбоку и впереди порывивало, но несильно. Полдень. Фок Ило еще всю ждет вестей от Вирстена, так что час или около того у Ворона есть. Больше вряд ли.

– С возвращеньцем, – Уилер в оранжевой куртке приподнял шляпу, научился уже, тварь закатная. – Как Бруно, наврал?

– Наврал. Штурриш где?

– Монсеньор по делу с дюжиной рыжиков спровадил.

– Шварцготвотрум!

– Слушай, что это хоть за дрянь такая? Хуже разрубленного Змея?

– Как когда!

К Рейферу придется гнать кого-то другого, но остаться совсем без каданцев нельзя, а рейтары для такого дела не то чтоб туповаты – не по ним оно! Им бы с вражескими кира-

сирами лоб в лоб, а тут убийцы в холмах.

– Антал, сейчас подойдет эскадрон рейтар и с ним два офицера, Макс и Рихард. Придержи их, но так, чтоб они ничего не поняли.

– Макс с Рихардом точно не поймут, имена такие... Не для шустрых.

– Тем лучше. Я к... Монсеньору.

– Экий ты к родителю вежливый. Одно слово, кесария, слова в простоте не скажете.

– Проклятье! – Вежливости и впрямь надо поменьше, а чего больше?

Фельсенбург ослабил повод, и Морок самочинно порысил к холму, на вершине которого виднелся одинокий всадник. Монсеньор... Кэналлийский Ворон, с которым нужно вести себя так, чтобы со стороны сошло за отца и сына. Руппи так бы и делал, веди отец, настоящий отец, себя с сыном хоть как-то. Проклятье, да они толком и не говорили ни разу! С бабушкой говорили, с дядей Мартином, с Ледяным, пока на того не накатило, а отец... Герцог фок Фельсенбург полюбил маму, бросил армию и охоту, стал вторым канцлером... А, к Змею!

– Дорогу, парни, это я!

– Да уж видим!

Каданцы у подножия расступаются, им весело, им просто отлично заплатят. Тем, кто выживет, но рыжую мелочь такое при жизни не заботит.

Морок взлетает вверх по склону, Алва небрежно разворачивает своего серого навстречу.

– Монсеньор, – начинает с неотложного Руппи, – разрешите отправить рейтар к генералу Рейферу. Возможно, его хотят убить, возможно, еще не поздно...

– Уже, – глаза герцога смеются. – Рейфера *уже* спасает Штурриш. Это твоя первая большая драка?

– На берегу – да.

– Тебе понравится. Что думаешь про фок Зальмера?

– Ничего... – Штурриш либо успел, либо нет, но каков Ворон! – Полковник фок Зальмер ведает артиллерийским резервом. Я с ним дела не имел.

– Удачно. Когда загорится, все само сложится, но сейчас ты будешь думать, как не сфальшивить, и сфальшивишь, так что знакомых лучше держать подальше.

– Хорошо бы, – буркнул Руперт и вдруг признался. – Дело не в вас... Понимаете, я не знаю, как вел бы себя с отцом на войне. Он был генералом, и, говорят, одаренным, но в бою я его не представляю. Не выходит.

– У меня с соберано Алваро тоже не выходило, – Ворон слегка склонил голову к плечу. – Если герцога фок Фельсенбурга на войне не представляет сын, другие тем более не представят, так что веди себя как с кем-нибудь представимым. С тем же Вальдесом. Что вы с ним творили? Пили, фехтовали, лазили на крышу?

– Всё, – честно признался Руппи и не выдержал, расхохо-

тался.

– Крыши здесь нет, пить будем позже. – Алва зацепил поводья за луку седла и спрыгнул в снег, утоптаный торчавшими здесь с ночи дозорными. – Что тебе показывал Ротгер?

– Двойной в руку и в горло... – Руперт тоже спешил, причем оказался спиной к солнцу.

– Хвастайся!

– Перед вами?!

– Хвастаться перед теми, кто не может или не знает, дурной тон. – Шляпа и плащ легли на снег, что-то блеснуло... Камень в рукояти кинжала, и какого странного. – Ойя!

Руппи не понял, но Алва заговорил с лошадьми. Освободившиеся от всадников мориски немного отошли и повернулись мордами к хозяевам. Тоже мне, ценители!

Чуть замешкавшись, Фельсенбург обнажил палаш, Рокэ и не подумал. Стоял на месте и улыбался.

– Монсеньор...

– Шварцготвотрум, дитя мое! Вперед.

– Но вы...

– Без оружия. И что?

Больше наследник Фельсенбургов не спорил, хоть и стало страшновато. Первый выпад пришелся в пустоту, второй и третий тоже, на четвертом Алва вынул шпагу.

– Замри, – велел он, – теперь клинок влево и чуть вниз. И локоть опусти.

– Это... другое?

– Разумеется. Влево и назад!

Руппи бы понял, обязательно понял, как это делается, только вернулся Штурриш. Фельсенбург с неуместной досадой вбросил палаш в ножны и утер со лба пот. Некоторой компенсацией за так и не понятый прием стало обалдевшее лицо каданца.

– Ну, – весело осведомился Алва, – что наши злодеи? Были, или зря скатались?

– Были, господин... Фельсенбург, – отрапортовал все еще оторопелый «забияка». – Больше нет. Рейфер обалдевши слегка, но, говорит, опомнится...

– Это радует. Когда появится фок Зальмер, пропустите его к нам. Одного. Все, Руперт, продолжаем.

3

– Решительная атака по центру? – Рокэ разлил вино и внезапно подмигнул пристроившемуся прямо на ковре Арно. – Потери у «гусей» обещали стать чудовищными, а Бруно – принц бережливый. Я дал понять, что буду отбиваться и отобьюсь, фельдмаршал поверил и убрался.

– А ты бы на его месте ушел? – любопытствовала мать. Они коротали, уже не вспомнить – осенний или зимний, вечер в гостиной вчетвером: хозяйка дома, дядюшка Раффиано, Первый маршал Талига и Арно. По-хорошему еще даже не унару надлежало благовоспитанно пожелать всем

покойной ночи и обратиться, но Рокэ в Сэ был своим, и он только что отбил Гельбе.

– Я бы не ушел, а поискал другие подходы, – Алва ухватил пригоршню соленых орешков и изобразил на мраморной столешнице нечто вроде карты, – но расклад получался веселый. Бруно, чтоб до меня добраться, требовалось перейти просто изумительное поле. Маршировать по нему, держа строй, одно удовольствие, но делать это пришлось бы под сильным огнем, уж я б не поскупился. Дошагало бы в худшем для нас случае с треть, и то за счет того, что вот здесь, – Рокэ водрузил бокал между двух ореховых россыпей, – эта благодать сужается почти вдвое. Впрочем, для успеха дошагавших всяко не хватило бы.

– То есть, – уточнил дядюшка, – ты бы атаку остановил в любом случае?

– Несомненно.

Несомненно бы остановил. Обычную атаку обычного Бруно... Обычного...

– Валентин, – окликнул Арно господина бригадира, – тебе Юстиниан про Гельбе рассказывал?

– Нет, – Придд немедленно подошел ближе. – Брата занимали другие вещи. Почему ты спрашиваешь?

– Потому что Рокэ при мне рассказывал про здешние красоты. Помнишь карту?

– Я могу ее развернуть.

– Руки замерзнут... Там, справа от форта, где нас пичка-

ли сливками, есть здоровенный луг, вылитый плац, а за ним несколько холмиков.

– Да, я помню это место.

– Рокэ тогда обошел Бруно и собирался там обороняться. Вся пакость в том, что в одном месте «плац» здорово сужается. Обычный противник под хорошим огнем прорваться не должен, но у нас-то он необычный. С бесноватых станется пробежать тысячу бье навстречу выстрелам.

– Озверевшие безумцы, вроде тех, о ком говорил Фельсенбург... – Валентин, диво дивное, оборвал фразу. – Да, эти смогут. Сломают, смешают свои ряды, ударят толпой, но удар будет страшен!

– Вот-вот! Мушкетеры Бруно к такому фокусу могут оказаться не готовы, дрогнут, дадут слабинку.

– У меня нет сомнений, что наш командующий помнит это место, но обороняет его, к сожалению, Бруно, и он, по словам Руперта, в бесноватых до недавнего времени не верил. Возможно, фельдмаршала отрезвила история с парламентарями, а если нет?

– Отрезвит такого, как же! Разве что бесноватый из супницы вылезет и укусит. Что делать будем?

– Мы? – слегка удивился Спрут.

– Ты, – поправился Арно. – На Мельниковом же ты угадал, да и с фок Варзов...

– На Мельниковом я как раз ошибся. Не удивляйся, я исходил из того, что Бруно подстроит каверзу там, где мы не

ждем, и договорился с Ульрихом-Бертольдом, что нас вызовут через легкораненого, которого я оставляю.

– Так и вышло!

– Нет, Арно. Бруно сперва со всей силы навалился на фланг Давенпорта. Первый раз все решалось там, и решилось бы, раздробил фок Варзов кавалерию. Когда не вышло попростому, Бруно использовал трюк Рейфера. Тогда да, наше появление помогло, но Маллэ могло спасти только чудо, а мы им не были.

– Не выкручивайся, ты влез к месту, и не вздумай врать, что не думал про сегодняшнее. С нами все ясно. Мы держим горников и прикрываем Бруно. Бруно стоит на месте, эйн-рехтец...

– Фок Ило.

– Фок Ило его бодает, а этот кошачий плац как раз между ними. Если бесноватые заткнут пушки Бруно трупами, будет хреново. Вопрос, как мы это выправим, я, если что, не про нас с тобой.

– С нами как раз проще всего. Мы в личном резерве твоего брата и отправимся туда, где будет либо хуже всего, либо лучше. Ты прав, я думал полночи. Где именно позиция Бруно наиболее уязвима, я не знал, но то, что его армию в нескольких местах попробуют рассечь и по возможности отрезать от нас, очевидно. Куда труднее предугадать, что закрутится у нас с горниками.

– Ну прямо уж...

– Именно. – Обычно Валентин не перебивал, ну так то обычно... – Первое, что приходит в голову, – отрезать Бруно, опрокинуть наш левый фланг, то есть Ариго, а чтобы мы этому не помешали, связать боем остальные силы. Горников больше, но ненамного, тысяч на пять; если они создадут перевес против Ариго – в других местах соотношение будет равным.

– При таком соотношении, да на приличной позиции, умницу Фажетти им не одолеть, – не слишком уверенно понадеялся Арно и вдруг вспомнил Ульриха-Бертольда с его дивным «Пфе!». Стало заметно легче. – Не говоря уж про Райнштайнера. Я про него как про командующего правым крылом, а не только как про бергера.

– Ну отчего же? То, что наш великолепный барон еще и бергер, как и бóльшая часть его сегодняшних подчиненных, дает дополнительные гарантии.

– Тебя послушать, – виконт внимательно посмотрел на друга, – выходит, за центр и правое крыло можно не волноваться. Но ты – Зараза, и волноваться все-таки надо, не может же все быть хорошо и просто. Думаешь, попробуют обмануть?

Валентин, можно сказать, что и улыбнулся, как всегда, когда слышал свое прозвище.

– Думать можно всё, что угодно, – утешил он. – Моя беда в том, что я их не знаю, ни эйнрехтского командующего, ни горного. Противника надо обманывать, сие есть закон, при-

чем зафиксированный Пфейхтайером, но как именно эти двое умеют хитрить, менять планы по ходу дела, предугадывать чужие замыслы?

– Да уж! Поди, догадайся, пока не начнут... И это если забыть про нечисть.

– Хорошо, что ты напомнил. Бесноватость вполне может спутать карты и нам, и фок Ило с фок Гетцем. Нечисть, как ты ее удачно назвал, может выйти из подчинения.

– И попереть напролом, – подхватил Арно, – причем в любом месте. Конечно, Райнштайнер дозоров везде понатыкал, но я все равно отправил несколько троек к приречным холмам. Договорим, сам объеду.

– Думаешь что-то найти?

– И да, и нет. В той стороне алатов прячут, а левый фланг горников из-за извива русла ближе к Хербстхен, чем противостоящий ему наш правый. Было бы весело устроить горникам сюрприз и шарахнуть витязями от реки. Правда, фок Гетц тоже не слепой... Так что алатов надежней к дриksam в тылы запустить, благо те про витязей знать не знают. Главное, со временем угадать.

– Да, это самое сложное. – Валентин что-то поискал глазами и остановился на здоровенном валуне. – Я все-таки разверну карту, пройдемся по дриксенским тылам, и отправляйся. Не думаю, что нас сдернут с места прежде, чем у Бруно начнутся неприятности.

– То есть, – с непонятым удовлетворением произнес Ар-

но, – они начнутся?

– После пресловутого обеда мне это стало очевидно. Слишком много салфеток и сливочников, чтобы воевать в Великий Излом. Ты не хочешь еще раз назвать меня Зарзой?

– Надоело. Разворачивай карту.

4

Еще один дуб-одиночка, орудийный гул отдаляется, лошади перемахивают промоину и сворачивают в пологий овраг, у горла которого крутятся дюжины полторы алатов в медвежьих плащах.

– Пишта! – видимо, объясняет Карои и поднимает сцепленные в замок руки. Этот жест Робер помнил, и означал он «скоро». Скоро, очень скоро долгожданная драка, как же витязям не перехватить по пути вожака, не услышать вестей самим?

Они съехались у пятнистой, как затаившийся барс, осыпи. Встреча – пятеро матерых вояк, будто по команде, подкручивают немалые усы, за плечами ветеранов тянет шеи молодняк; горбоносый парень в сползшей до бровей шапке похож на Жильбера. Очень...

– Это Робер, – представляет Карои, – они с моим Балингом рядом рубились, теперь вот здесь пойдет, с нами. Добрый вояка, ну и в придачу маршал Эпинэ! Пишта!

– Здесь, гици, – весело откликается оказавшийся Пиштой «Жильбер», в поводу у него крупный соловый жеребец.

– Хóвираш, – представляет приноживающегося коня Га-шпар. – выезжен, крепок на ногу, в деле бывал, не подведет. – Спасибо!

Хорошо, что в карманах остался сахар! И конь хорош, и те, с кем идти в бой... Всё одно к одному, даже солнце в снегах.

– Бери, друг! – Жеребец берет лакомство доверчиво и деликатно, из розовых ноздрей вылетает облачко пара. – Ховираш, значит? Это ведь цветок такой?

– Да, – радостно откликается самый румяный из витязей. – По весне от них распадки аж светятся! Я – Имре от знаменного сокольца³. Пойдем рядом, так что знай.

– Коломан, – машет рукой чернобровый, с выбившейся из-под шлема седой прядью, – от первого...

– Гергей от третьего...

– Дьердь...

– И еще Гергей.

– За знакомство! – уже вытащил флягу румяный Имре. –

³ Алатские витязи между собой по старинке именуют эскадроны сокольцами по принадлежащим им небольшим квадратным флагам с золотым соколом на алом фоне. Знамя крупного соединения, у которого во время боя находится командующий, называют Соколом. Оно представляет собой квадратное алое полотнище, посредине которого изображен золотой же сокол, а в верхнем углу – Адрианова звезда. Обычно Сокол находится между первым и вторым сокольцами, причем второй соколец называют знаменным. В бою его командир отвечает и за знамя, и за жизнь командующего.

По глотку оно, как шенкелем!

– Как без того? – подхватывает под нарастающий гомон и веселую переключку рожков Коломан. – Никак нельзя!

– Когда ж ты прибыл? – любопытствует Дьёрдь. – Про Ариго слышно было, про Фажетти, про Райнштайнера с его пиводуями, а тебя-то каким ветром?

– Ночным, – Карои пьет сразу за хозяином фляги. – С Алвой он заявился. Чудом к бою успели, отреконь гнали.

– Так вот с чего ты Гергё спёшил! Коня маршал заморил.

– Не без того!

– Неужто совсем?

– Нет, друзья. Оживет.

– Вот и хорошо...

– Надо ж, с кем прибыл...

– И наездник отличный...

– То видно с первого взгляда...

Фляга уже под носом, нужно опять пить. Ничего, пара глотков не навредит, наоборот!

– Живите!

– Куда денемся?

– Вот и познакомились. Кольчугу бы тебе или хоть кирасу!

– Не нужно. Вам доспех привычен, мне – нет.

– Нет так нет, – решает Карои, – но шлем наденешь.

– И медведя на плечи!

– Шкуру? – не сразу сообразишь, ну так и язык не то чтоб родной. – Тут сноровка нужна.

– Какая такая сноровка? – смеется второй Гергей. – Подвяжем и вперед!

– Движений она, при правильном креплении, не стесняет, – объясняет Гашпар. – Поворотись-ка. Пишта!

– Сейчас, гици.

– Как готов будешь, – велит за спиной Карои, – ищи меня у Сокола.

Копыта ударяют в морозную землю, как в бубен, несколько лошадей срываются с места в галоп. Конский топот сливается с общим гулом: слева, за холмами, упорно бахает артиллерия, не давая забыть, что там идет сражение. Ветер сносит звуки на талигойцев, и это удачно – алатские рожки перекликаются все чаще, хотя откуда «гусьям» знать, что это за песня, они ждут другого, вернее, не ждут. Неужели это север? Неужели прошло столько лет?

– Готово! – радуется Пишта. – Пусть гици руку поднимет!

– Саблю вытащи!

– У меня шпага!

– Что есть, то и тащи!.. Ну? Мешает?

– Вроде нет... Нет, не мешает!

– Хе-хе, деды-то не дураки были, за долгие годы научились носить...

– Поворачивайся. Хватит снег глазами гладить!

Смеются. Так смеются лишь перед чаркой да перед боем. Карои ускакал, как и Коломан с тем Гергеем, что пониже, зато из-за каменного барса вылетел шустрый малый с двумя

шлемами. Первый оказался велик, второй подошел.

– Как влитой, – одобряет Имре и подносит ладонь ко лбу. – А теперь давай быстро, а то в узости Сокола не догнать будет.

– Догоним, – откликается Эпинэ, понимая, что вот так крылья и отрастают. – Ховираш, скажи, ведь догоним?

Соловый согласно фыркает, он готов скакать и хочет быть первым, а колонна уже двинулась извилистой балкой к невидимой Хербстхен.

5

То, что они с Вороном перешли на дриксен, Руппи понял, когда прискакал ведавший артиллерийским резервом фок Зальмер.

– Господин канцлер, – молодцевато доложил он. – Согласно приказу фельдмаршала прибыл в ваше распоряжение.

– Добрый день, полковник. – Ворон неспешно убрал шпагу и подхватил со снега плащ и шляпу. – В бою подчиняются не канцлеру, а командующему, так меня и называйте. Фельсенбургом во избежание путаницы лучше называть Руперта.

– Да, господин командующий, – артиллерист неожиданно улыбнулся. – Вверенные мне орудия уже в пути. Где они должны быть размещены?

– Наша задача – фланговым огнем сорвать решительную атаку противника. Удар фок Ило нанесет в наиболее узком месте равнины, то есть здесь. А мы – расстреляем их из ва-

ших отличных пушек, которые поставим, – Алва небрежно указал на длинный увал, узким клином вдававшийся в равнину со стороны позиций Бруно, – вон там.

Дурацкая мысль, что мама оценила бы изящество жеста, мелькнула и пропала. Не чувствуя холода, Руппи воззрился на место будущей батареи. От места предполагаемой атаки – шагов семьсот. Для ружейного огня далеко, для ядер – вполне годится, но всё остальное...

– Там? – полковник тоже растерялся. – Господин командующий, позиция совершенно открытая, мы сами окажемся под огнем.

– Окажемся. Руперт! – Шпага Алвы подбрасывает позабытую Руппи шляпу, и та летит к хозяину. Приходится ловить. – Так вот, полковник, батареи эйнрехтцев – это не важно. Важно, что у нас меньше часа, так что подгоните-ка своих молодцов. Сам знаю, что тащить трудно, только китовники ждать не будут.

– Пехота поможет. – Синие глаза у Фельсенбурга покажутся странными, так что давить Зальмера взглядом приходится «сыну». – Вас проводит мой человек, и он же доложит об исполнении.

– Меньше часа... – Лицо артиллериста становится отчаянным. – Господин командующий, я приложу все усилия, но не могу ручаться...

– Я в вас не сомневаюсь.

Озадаченный фок Зальмер уносится к своим орудиям, вот

и поговорили, вот и началось.

– Руперт, – окликает Ворон, роясь в седельной сумке, – полюбуйся пока на тех, кто не пройдет. Это полезно и даже красиво, хоть и не так, как кордебаталия Альмейды.

Труба у Руппи имелась, и он ее взял, но как выстраивают вторую линию атаки, было видно и так. Сколько же бросит в бой фок Ило? Если считать по батальонам – пять: три уже подошло, и два... нет, четыре как раз подтягиваются. В светлом круге мелькают знамена памятной по эзелхардской западне расцветки. Старые, проверенные временем полки – не новобранцы какие-то! Да, это будет серьезно, как под Хексберг, только корабли легче оценить, а вот и еще...

– Тьфу, твари!

– Что они натворили? – Алва поднял голову от где-то добытого бумажного листка. – Мне интересно.

– Там гвардейцы! – со злости Фельсенбург аж вдавил в глазницу окуляр трубы. – Китовью тушу не разглядеть, но цвет штандартов – цвет ленты Гудрун... убитой принцессы... Если вы не ошиблись, по центру ударит таран. Только первой волной пойдут не менее семи тысяч.

– И что с того? – Ворон смотрел не на поле, а на свой рисунок. Как тут было удержаться и не глянуть, Руппи и глянул. В артиллерийском деле бывший адмиральский адъютант разбирался постольку-поскольку, но общий смысл уловил – размещение орудий, направления обстрела, пехотное прикрытие. На первый взгляд ничего особенного. Ну, притащат

пушки, разместят, откроют огонь, только китовники не из тех, кто топчется на месте и грозит кулаками, возьмут да и ударят с трех сторон. И что тогда? У Хексберг Руппи в победе и Ледяном не сомневался, на берегу от былой уверенности остались ошметки, из которых удалось слепить что-то вроде веревки: хочешь – вешайся, хочешь – впрягайся и тяни. Куда-нибудь... Фельсенбург потер внезапно разрывшееся плечо и вновь поднял трубу, мешать Кэналлийскому Ворону он не собирался, верить с прежней безоглядностью – тоже, это как-то вышло само.

Глава 5. Гельбе

1 год К.В. 1-й день Зимних Скал

1

Зрелище было впечатляющим. Выкрашенные красным древки, уставившиеся в синее веселое небо острые рога наконечников, реющие на ветру узкие флажки...

– Скажи, хороши? – крикнул держащийся рядом Имре.

– Хороши, – совершенно искренне подтвердил Иноходец.

Витязей Балинта, что брали в седла падавших от усталости беженцев, Эпинэ запомнил на всю жизнь. Соколы Га-шпара казались такими же отчаянными, гордыми и при этом веселыми, и все же тяжелая кавалерия от легкой отличается, как палаш от шпаги. Пришедшие к Хербстхен были даже на глаз крупнее и шире в плечах, а их кони казались родными братьями Дракко – та же огненно-золотая масть, точеные ноги, лебединые шеи, – но более рослые, с могучей грудью, мощным шейным гребнем, пышными «щетками». «Густых» лошадей, как и слишком уж роскошных красоток, Робер недолюбливал и по возможности избегал, но эти были великолепны и достойны своих всадников. Алаты строй держали отменно, не давая застоявшимся коням спутать ряды. Рысь, пока лишь рысь, разве только ты догоняешь своих.

Робер с Имре и Дьердем догоняли. Длинный Гергей отстал раньше: его соколец шел последним и обходился без пик и болтавшихся в ременных петлях булав. Все верно: прикрывать спину удобней клинками.

– Удачи тебе, Дьердь, – желает Имре, сдавая к вцепившемуся в склон седому можжевельнику, – живи!

– И вы живите! – Рука в праздничной, шитой золотом перчатке взмывает вверх: место Дьердя до конца боя здесь, а им – дальше, опережая текущий по оврагу живой поток. Склоны становятся выше, ясная небесная полоса съезживается, скоро река – алаты торопятся к пологому спуску, ведущему к замерзшей Хербстхен; там неподалеку русло делает резкий поворот, и вражеским рейтарам разрыв берега не виден. До поры до времени.

– Успеем, – Имре думает о том же, да и как иначе? – Будь уроды пошустрей, разезды бы уже дали знать.

– Все равно, – не выдерживает Робер, чувствуя себя искрой осеннего пожара. – В карьер бы!

– Будет тебе карьер, – обещает Имре. – Ой, будет!

Кони – рыжие, золотистые, гнедые, изредка соловые, еще реже – вороные; то улыбающиеся, то сосредоточенные физиономии всадников, шлемы, кирасы, булавы, медвежьи шкуры – все это стремительно врезается в память и тут же уходит назад. Ховираш уверенно обгоняет шеренгу за шеренгой, он, похоже, привык быть впереди.

– Живите, – окликает от своего сокольца Гергей-низкий,

едуший рядом ветеран крутит длинный ус и пропадает из глаз. Впереди несколько шагов пустоты, дальше маячат блестящие гнедые крупы.

– Мои, – в голосе Имре слышится гордость. – Считай, догнали. И вовремя.

Сквозь поредевший лес пик просвечивает алое полотнище. Большое, не чета квадратным сокольцам. Овраг еще больше сужается, а витязи идут по шестеро в ряд; нетронутой снежной полосы вдоль склона теперь достает лишь одному, приходится, к очевидному неудовольствию солового, пропустить Имре вперед.

– Потерпи, – утешает жеребца Эпинэ, – сейчас встанем в строй.

Конь сварливо хрюкает, то ли не понял талиг, то ли решил выказать норов.

– Терпи, – повторяет Робер уже по-алатски, сдерживая готового растащить бузотера. Зима при всем своем морозе пока выдавалась малоснежной, иначе лошади бы уже выдохлись, и это если б вообще удалось пробиться! Хотя рейтарам тогда бы пришлось не слаще... Метели и непролазные снега разгоняют армии по норам до лучших времен, не вообще лучших, а для войны.

Последняя или первая, смотря с какой стороны считать, шестерка остается за спиной, и вот оно, знамя! Золотой сокол на алом древен, как Осенняя охота, и столь же вечен.

– Эномбрэдастрапэ!

Солнце бросает в овраг пригоршню самоцветов; в глазах вспыхивает пламя, жаркие искры поджигают снега, где-то поет охотничий рог, где-то согласно лают ставшие на след гончие. *«Боговы охотнички смерть гонят»*, и та бежит и будет бежать, пока огненные копыта бьют рыжие листья, белые снега, юную траву...

– Вижу, вы поладили! Ну, скажи, хорош?

– Что?

Балинт... то есть Гашпар упирает руку в бок, смеется. Рядом Имре, Коломан, ветеран-знаменосец, пара конвойных с обнаженными саблями. Скоро бой, они почти пришли.

– Я про коня, – объясняет Карои. – Совсем обалдел, забыл, что ты все же не алат.

– Я и сам забыл. – Как же вьелся в душу вроде бы чужой язык, или это дар Золотой ночки? – Ховираш – умница. С характером, но честный и понимает с полупапека.

– Такого всадника любой конь слушать будет.

– С лошадьми я всегда ладил, – не стал ломаться Робер, – а вот с пиками дела прежде не имел. Только и видел, что в Сакаци на гобеленах. Балинт... я про брата твоего, саблями обходился.

– И зря, – не преминул встрять Коломан. – С пиками, набрав ходу, всех снесешь. Да сам сейчас увидишь, речонка скоро уже, минут пять... Погоди-ка! Скачут.

– Ага! – подтвердил, приложивший к уху ладонь Имре. – Наметом идет.

– Значит, угадали.

– Теперь главное – далеко ли поганцы?

– Дозорный возвращается, – объясняет Гашпар, – спешит, так что сам понимаешь...

– Да, несрочные вести так не возят.

Витязь в снежном облаке вылетает из-за мохнатого от кустов выступа, Карои высылает коня, несется навстречу, голец машет рукой в сторону поворота.

– Лукач, – узнает витязя Имре. – И уже дрался.

2

Началось удачно. Высланная дриксами разведка, едва вынырнув из-за поворота, угодила под сабли алатской, более многочисленной, и полегла вся, до последнего человека.

– Что будет теперь делать старший китовник? – Карои спрашивал всех и никого. – Ясно, что ждать вестей, но потом-то, когда их все не будет и не будет? Могут ведь, сволочи, попятиться, встать и приготовиться. Растекутся по склонам, примутся стрелять сверху, гоняйся потом, да и многовато их. Не меньше троих на пару наших.

– Рейтары еще могут понестись вперед и выскочить к пологому берегу раньше вас, – не стал скрывать дурных мыслей Робер. – Получат свободу маневра...

– Обойдутся! – рыкнул витязь. – Блох им кошачьих, а не свободу. Будут плясать под наши скрипки, или я не Гашпар

Карои! Ты эту самую Хербстхен видал?

– Имре говорит, эдакое ледовое «ущелье», по сторонам не разбежишься.

– Вот! – Гашпар усмехнулся, но как-то по-волчьи. – Самое место для нашего тарана. Стой тут.

Ховираш был против, но его не спрашивали. Таскаться хвостом пусть и за самым дружелюбным командующим Эпинэ не собирался, к тому же речь шла о панцирниках, с которыми Иноходец дел не имел даже во сне. Нет, то, что в лобовой схватке всё будет за алатов, он понимал, но, если рейтары при их численном превосходстве смогут развернуться и пустить в ход пистолеты, витязям небо с кошку покажется. У каждого «гуся» не меньше четырех выстрелов, если гады догадаются бить по лошадям, никакие пики не выручат... Но это если развернутся и догадаются! Тут как в детской игре про платок, нож и камень. Сумей выставить против чужой слабости свою силу и не дай поставить чужую силу уже против своей слабости. В поле рейтары себя бы показали, но внезапному таранному удару на стиснутой берегами реке они ничего не противопоставят, преимущество в стрельбе и численности тут не выручит.

– Не грусти, – подбодрил Имре, на коего новость если и произвела впечатление, то лишь в смысле «ну наконец-то подеремся!» – Сейчас Гашпар дозорному хвост накрутит, и начнем. Первым Коломан двинет, а ты с «верхушкой» в моем сокольце пойдешь, но уж тут в первом ряду.

– Спасибо. Коломан как начнет?

– Да как обычно! Выйдут на лед, станут в четыре шеренги, первые две – копейные, третья-четвертая – с кончарами. О, закончили.

Давешний дозорный уже неся туда, откуда явился, надо думать, передать приказ начальства. Освободившийся Карои коснулся шлема и поднялся в стремянах, вытянув вверх руку с зажатой в ней плетью, которую и крутанул над головой.

– Точно, начинаем, – успел хохотнуть Имре, и тут по всей колонне взвизгнули сигнальные рожки. Как наладившиеся драться жеребцы.

Эхо еще гуляло от склона к склону, а Коломан уже тронулся с места, и тут же двинулся Имре. Соколец за сокольцом ускоряли ход, переводя лошадей в маховую рысь. Выезженные опытные кони, все еще не ломая строй, вырывались из овражной узости и, на ходу перестраиваясь, неслись по взбитому шипастыми подковами снегу, по обнажившемуся хрустящему льду. Мелькали украшенные редким кустарником склоны, стремительно приближался обещанный поворот. Скоро... Сейчас все и решится... Вот оно: от поворота звучит рожок, неся долгожданную весть, белый мыс с одинокой разлапистой елкой улетает за спину.

Передовой соколец, повинуясь команде, переходит в галоп, шлейф снежной пыли из-под копыт почти скрывает спины, щетина торчавших над головами всадников пик почти

мгновенно исчезает. Всё, изготовились для удара, а что рейтары? Знакомый пистолетный треск заставляет сжать зубы. Рейтары таки стреляют, но мало, раздери их закатные твари, мало!

3

Огня толком дриksы открыть так и не смогли, но это еще ничего не значило. Со своего места Робер видел, как дрогнула, будто сбиваясь с шага, последняя атакующая шеренга. Где-то витязи сблизились, где-то в строю возникли разрывы, сквозь которые градинами посыпались всадники в сером. Трое, пятеро, десяток... Куда больше было лошадей с памятными по Торке серо-черными вальтрапами и опустевшими седлами – третий и четвертый ряды пустили в ход кончары, прореживая тех, кто избежал пик. И все же некоторым повезло, пусть и сбавив ход, вынестись дальше.

– А вот эти – наши! – машет плетью Имре. – Вперед! Бей!

Проскочившие и опомниться не успели, как угодили под накативший на них вал второго сокольца. К чести дриksов – ни бежать, ни бросать оружие никто не стал. По возможности сбившись поплотнее, рейтары встретили врагов клинками. Сразу призывно и возмущенно заржал соловый – дескать, чего же ты, гици, тянешь? И в самом деле, чего? Короткое движение шенкелем, и жеребец дождавшейся мыши кошкой прыгает вперед, врываясь в кровавую метель. Разду-

мывать некогда – из общей кучи вываливается пара «горников» и несется вперед, явно желая зажать с двух сторон. Не выйдет, дорогие! Умница Ховираш послушно берет в сторону, уводя седока из-под двойного удара. Свеситься влево, пропуская чужой замах над головой, вонзить шпагу в открытый серый бок, и тут же выпрямиться в седле, выдергивая клинок. Теперь второй... Нет, не успели. «Гусь» вовремя не сообразил, что к чему, и, как жук на булавку, оказался насажен на кончар подоспевшего витязя. А это еще кто?

Целящийся в Робера горник курок спустить не успел – развоевавшийся Ховираш в запале цапнул вражескую лошадь; бедняжка прянула в сторону, всадник попытался восстановить равновесие, не успел – шпага чужую шею не достала, а вот чья-то сабля срубила руку с пистолетом. Перевязь Люра, ну почти...

– Цел? – круглолицый Гергё стряхивает с клинка кровь.

– Да!

Справа лязгает сталь, там еще всю рубятся. Враги кончились лишь в пределах досягаемости клинка, а так их много, и рев Гашпара гонит управившихся на помощь первым шеренгам. За алатов скорость, напор и доспехи, за китовников – численность. Одно уравнивает другое, значит, вперед. Эномбрэдастрапэ!

Слитно рявкают дриксенские пистолеты, на сей раз со стрельбой вышло как должно, но дать дружный залп – не значит остановить.

Крутится, крутится яростная, брызжащая кровью карусель сабельной схватки. Бьется о клинки солнце, хлещет на снег кровь, вскипает алым, застилающим глаза туманом. Ржут, визжат, чуть ли не режут озверевшие жеребцы, орут люди, что-то звенит, стучит, взрывается. Ударить, увернуться, отпустить повод, поднырнуть под чью-то руку, послать солового в появившуюся брешь. Конь чует всадника просто изумительно, да еще и помогает, как копытами, так и зубами; мелькает непонятно-знакомое лицо, мельтешат золотые искры, что-то горячее плещет в щеку, выскочивший навстречу горник оседает, но не падает, не может – сапог застрял в стремени. Одуревшая лошадь пытается вырваться из лязгающего ужаса, кого-то сбивает, в образовавшуюся брешь лезет белоглазая тварь. И получает свое.

Крупы с подрезанными хвостами, серые спины... Дриксенские горны где-то впереди играют полузабытое «Назад, к знамени», и рейтары отступают, послушно, с готовностью.

Пики оказались для не имевших доспехов и шедших плотным строем рейтар весьма неприятным сюрпризом, и вот они, итоги, под копытами алатских коней. Передовые эскадроны дриков переколоты и вырублены почти полностью, им было ни прорваться вперед, ни отступить, ни уйти в сторону – берега крутые. Потом кто-то умный сообразил, что в узости с алатами не сладить и надо отходить. Только странно, что перед отступающими никого. А первый-то соколец где? – Ты как? – Коломан с присными, похоже, взялся опекать

дорогого гостя.

– Ничего... вроде... – Ох, гици, ну и дурак ты! Первый соколец никуда не делся, вот он, вокруг, это ты ухитрился прорубиться в первые ряды. – А неплохо получилось!

– Еще бы, только зубы-то мне не заговаривай! Цел?

– Даже не поцарапан. – Ховираш тоже невредим и полон желаний продолжать в том же духе... шпага – в порядке, и шкура на плечах не мешает. – А как ты? И где Гашпар?

– Порядок наводит. Восстановим строй, и вдогон.

– На плечи сесть гадам, – подхватывает раскрасневшийся Имре, – и не отпускать! А то отдышатся и устроят нам тут...

Глава 6. Гельбе

1 год К.В. 1-й день Зимних Скал

1

Летом захватившая правый берег Хербстхен водопляска стала бы приличным укрытием, но сейчас переплетение гибких зеленых ветвей с уцелевшими, похожими на белые цветочки плодами только мешало пробираться. Ни от пронизывающего ветра, ни от чужих взглядов заросли не спасали, впрочем, подглядывать за Арно с его разведчиками пока было некому – сражение разминалось где-то в четверти хорны к северу, зато ветер на кручах так выл, что временами заглушал звуки боя, который сам же и доносил.

– К полудню «гусям» вовсе весело станет, – заметил вслушивавшийся в дальний гул Барсук. – Нашим которым... Сказал бы кто осенью, что мы с Бруно спутаемся, вот ей же ей, в рожу бы дал!

– Прямо цельная аллегория! – припечатал Кроунер и, как всегда, погладил свою Бабочку. – Капитан, а видно-то паршиво! Пере-дисло-цироваться б!

– Да уж, – согласился Арно. С того места, куда они вышли, неплохо просматривались распадок меж холмами, изгиб берегов, уходящий в сторону дриков, и само скованное льдом

русло. Что дальше, не давал разглядеть поворот, что ближе – сам холм, по которому пьяными змейками выплясывала поземка. И это при чистом, ни облачка, небе!

– Надо подниматься. – Раньер нахлобучил шапку поглубже. – Даст Создатель, не унесет.

– Надо, – решил виконт и поежился. – На самую вершину лучше не лезть, так, трети на две. Луи, останешься с лошадьми, остальные со мной.

Холм был не из пологих и к тому же оказался каменист до безобразия, так что Арно успел сто раз похвалить себя за то, что сменил кавалерийские сапоги на бергерские, с толстенными подметками. Водопляска с упорством истосковавшей по обществу красотки совала в глаза и в нос свои «цветочки» и цеплялась за серые полотняные накидки, в которых по случаю зимы щеголяли разведчики, так что ни любоваться окрестностями, ни думать о разгорающейся за спиной драке во время подъема не выходило, огляделись, лишь выбравшись из зарослей.

Что сразу бросилось в глаза, так это перепаханый снег на речном льду. Неопрятная серая с желтым полоса по ширине занимала чуть ли не все русло и тянулась в обе стороны, сколько удавалось разглядеть.

– Кавалерия прошла, – сделал очевидный вывод Раньер. – Много, не меньше пары эскадронов.

– Ясное дело, – кивнул Арно, – вопрос – куда и кто.

– Для алатов преждевременно, – заявил со своей всегдаш-

ней глубокомысленностью Кроунер, не забывавший шарить глазами по холмам в поисках неведомых академикам елок, – не сломя ж голову они неслись?

Савиньяк вытащил часы и убедился, что чувство времени ни его, ни ударившегося в естественные науки капрала не подвело.

– Теоретически, – подбросим подчиненному очередное умственное словечко, – Карои успевал промчаться руслом и скрыться за тем дальним поворотом. Но только *теоретически*.

– Именно, что ерунда, – Барсук понял начальство по-своему. – Это ж каким бешеным карьером от самого лагеря лететь надо, чтобы успеть? Лошади выдохнутся, и на кой? Нет, парни, «гуси» это! В тыл к нам пролезть решили, но мы-то дальше куда? За ними? Алатов упреждать вроде поздно уже.

2

Теплый плащ фок Зальмер отбросил почти сразу, как начали размещение орудий. Оставшийся в одном мундире полковник наперегонки с Вороном носился по возникавшей прямо на глазах позиции, отдавая приказы, что-то подправляя, поворачивая, поднимая...

С местом для батареи Алва не прогадал: почти у гребня возвышенности, где уклон был едва заметен, но через пару десятков шагов делался гораздо круче, попробуй, влезь!

Оставалось убрать камни покрупнее, чтобы не спотыкаться при неизбежной беготне, и из них же нагромоздить на самом краю подобие стенки. Не укрытие, какое там, а чтобы пушки не съезжали. Тут тебе не корабли, где орудия держат тросы, прокатится по пологому немного, грань перевалит – и прощай, оружие! Это честно бегавший за «отцом» Руппи и сказал, после чего последовало краткое «займись!». Руппи занялся, но стоять пнем, глядя, как солдаты и младшие офицеры воюют с валунами, было муторно, будто перевязь Бермессера нацепил. Наследник Фельсенбургов выхватил лом у одноухого мушкетера, кликнул на помощь румяного здоровяка, и мир стал прост и понятен: выворотил на пару с Быком Бони каменюку, толкнул к уже нависающим над душой катильщикам, вытер лоб, занялся следующей... И так пока не кончились валуны, которых оказалось меньше, чем отпущенного эйнрехтцами времени.

– Ух ты! – напарник радостно ткнул ручищей в возникшую на склоне булыжную нашлепку и бросился на помощь к ворочающим орудия товарищам, время поджимало, но они успевали!

Успевало начальство, успевали тащившие пушки пехотинцы, успевали артиллеристы, в полчаса на пустом месте развернувшие батарею. На взгляд Руппи – вполне приличную, хотя бедняга Зальмер обходил выкаченные на склон орудия со смесью негодования и смирения перед неизбежным на лице.

Еще они успели, злобно ругаясь и призывая попеременно Создателя с Врагом, подтащить и разложить ящики с зарядами, выложить горки ядер, и даже – вот ведь сноровка – часть этих горок как-то огородить, чтобы каменные шары не разбегались по склону от сотрясений. Водворив на место какую-то корзину, Руппи с благодарностью хлебнул из чужой фляги и позволил себе оглядеться. Оказалось, китовники тоже не мешкали, и внизу на равнине стало весело и чуть ли не празднично. На пехоту под знаменами с кесарским Лебедем уже надвигалась пехота в таких же мундирах, но под другими флагами. Сразу шесть полков, никак не меньше, поплотней сбив ряды, шли в самоубийственную атаку и вот-вот должны были оказаться в пределах досягаемости центральной батареи Бруно.

– Они предсказуемы, – подошедший Алва смотрел не на поле, а в небо, поигрывая орденской цепью. Золото, эмаль и бриллианты – «Верная Гудрун»... Принцессу назвали в ее честь, и Гудрун была верна. Пусть подонку, но до смерти.

– Глянь-ка, – рассеянно попросил Ворон, – в центре ничего нового не творится?

– Нет, монсеньор. – Надо думать о сражении! О сражении, а не о тех, кто уже мертв... – Кто не пошел в первой волне атаки, так и стоит на месте.

– Ожидаемо.

– На правом фланге эйнрехтцев оживленно палят, – по своей инициативе доложил Руперт. – Почти все скрыто ды-

мом, но решительной атаки китовники там не предпринимают. Про Рейфера и этого не понять: дыма не меньше, а расстояние больше.

– Его уже не убили, – на поле Алва все же глянул, но отнюдь не в сторону Рейфера, – пусть теперь отбивается!

Солдаты продолжали возиться у пушек, быстро прошел, почти пробежал фок Зальмер, мелькнул здоровяк Бони, но пока они с Вороном были вдвоем. Как некогда на мостике «Ноордкроне»... Кальдмеера, прежнего Кальдмеера, можно было спрашивать обо всем, он не лгал.

– Монсьеор, как вы оцениваете наше положение? Я знаю, что некоторые вопросы перед боем не задают.

– Моряки всегда были суеверны, – Алва склонил голову к плечу, так вот у кого Фридрих подцепил эту манеру! – Бруно, как полководец, сильней фок Ило, а фок Гетц не свободен, и ему достался Савиньяк. Сюда горникам не прорваться.

– То есть все решается здесь... Почему вы считаете Бруно сильней фок Ило, и при чем он вообще, ведь теперь командуете вы?

– Не я, а герцог Фельсенбург, и не командую, а уравниваю шансы. Армия, Руперт, сродни лошади, и она привыкла к Бруно, а почему он сильней Ило... Потому что Кальдмеер в свои сорок стал адмиралом цур зее.

– Я слышал, что вы всегда шутите.

– Часто, но не сейчас. Кальдмеер – напрочь лишенный пронырливости и связей мещанин, но кесарь его заметил и

поднял. Будь у фок Ило, при его происхождении и друзьях, сопоставимый с Бруно талант, он бы уже лет пять как оспаривал первенство в армии. Нет, там, где речь идет о банальной войне, Бруно побьет эйнрехтского франта без труда, дело в другом. До вчерашнего дня у китовников было два козыря – отсутствие страха и то, что в глазах множества честных вояк они выглядели правыми. Перемирие с недобитым врагом полководцев не украшает, хуже только заискиванье перед подчиненными.

– Старый бык не заискивает, скорее, наоборот.

– И поэтому еще цел, и с армией. Вчера с убийством монаха и Глауберозе, кстати – мои соболезнования, китовники остались без правоты, с одной лишь бесноватостью. И вот этот козырь бить нам, от Бруно тут толку немного. – Ворон резко обернулся. – Ну, полковник, как дела?

– Господин командующий, батарея готова! – доложил фок Зальмер, переводя дух и оправляя мундир. – Несмотря на значительное количество недостатков, мы можем открыть огонь.

– Подробнее.

– На указанной вами позиции установлено двадцать два орудия. Размещены удвоенные запасы пороха и ядер. Расчеты у пушек и ждут вашего приказа.

– Очень мило, – одобрил Алва, тьфу ты, герцог Фельсенбург и вообще родной отец. – Накиньте плащ... Уж не помню, кто подметил, что жизнью ради отечества жертвовать

можно, а вот здоровьем – нежелательно. Вам понятно?

– Да, господин командующий!

– Тогда приготовиться к открытию огня. Наводим на центральные батальоны! Руппи, идем, глянешь, как это делается на суше.

Первый шаг совпал с донесшимся справа грохотом. Центральная батарея Бруно дала по наступающим полный залп.

3

Самым разумным было отправить весточку Валентину и двинуть берегом за гусиной кавалерией, но Арно успел только первое. Едва безотказный Барсук вскочил на куда менее безотказную Лиску и умчался, события понеслись, как воз с горы.

Слева из-за поворота выкатились рейтары, только не горные, серо-черные, как следовало ожидать, а настоящие кесарские «лебеди»; фок Ило таки поделился с Гетцем конницей! Плотная серебристо-серая колонна бодро рысила по льду вслед за предшественниками, но возмущенные подобной наглостью «фульгаты» даже выругаться толком не успели. Эйнрехтцы резко сбились с аллюра и бросились торопливо перестраиваться, разворачивая строй поперек русла. Не успели – навстречу им, можно сказать, из-под самых ног Арно, галопом вынеслись... нет, не алаты, все те же рейтары, правда, на сей раз – правильные, горные. Эти валили толпой,

без строя, но в союзничков все же не врезались, а подались по сторонам, выбираясь в первую очередь на левый берег, благо склоны там были пониже и не в пример более пологими.

– В авангарде шли и по носу получили, – поделился очевидным умный Раньер. – Дальше-то что?

– Ишь, выкарабкиваются, – Кроунер возмущенно шмыгнул носом – Гады горные, уларами именуемые... Дальше тут промоинка есть, с холма видно, как бы и сюда не полезли. Другим бы и в бошки не взбрело, а эти привыкли по пересеченной местности шастать.

– Могут, – согласился Арно, которого занимали прежде всего алаты. Если витязи просто врезали сунувшимся, куда их не звали, гадам, это одно, а если пустились вдогон? Если растянулись и налетят сейчас на этих... перестроившихся.

Преследователи запаздывали, и у беглецов, которых набиралось не меньше эскадрона, достало времени очистить лед для изготовившихся к сшибке товарищей и выбраться на берег... на оба берега! Знатный уларовед Кроунер, как всегда в таких делах, оказался прав.

Удиравшие скапливались кучками на береговых склонах, командиров у них не наблюдалось, порядка особого тоже, но еще не получившим по башке соратникам они больше не мешали. А те уже переварили удивление, и теперь поперек Хербстхен красовался хороший, Пфейхтайеру б понравилось, строй. Речка здесь, будто нарочно, раздавалась, об-

разуя просторную, сотни полторы шагов в ширину и триста в длину, арену, словно созданную для конного боя. И к такому эйнрехтцы сейчас успешно готовились, да и эти... «улары» трёпанные вряд ли собрались просто отсиживаться на склонах, сейчас отдышатся и наверняка вмешаются в драку. Пускай лишь огнем с места, идущим по льду все равно станет неуютно: русло не из широких, строй наверняка тесный, в кого-то да попадут.

Запела труба, ветер и гул сражения делали сигнал неразборчивым, и Арно скорей догадался, чем узнал старое доброе: «Вперед к победе, во славу кесаря и Дриксен!» Замену господ китовники придумать не озаботились, ну или не успели.

– Да уж, музыку писать, это вам не рыб малевать!

– Что, капитан? – Раньер смотрел с непониманием. Не на дриксов – на командира.

– Сигнал у них старый, – быстро объяснил Арно, – кесарский еще... А это еще что за «гусь»?

Дрикс на дорогушем зильбере, видимо, возглавлявший все это роскошество, прогарцевал на середину реки. В трубу подлеца, для пули, увы, недосягаемого, видно было просто отлично: сдерживая коня, он сперва разглядывал что-то невидимое с правого берега, а затем махнул шпагой.

«Вперед!» – вновь потребовала труба, и светло-серые всадники, обтекая своего командира, двинулись к пока невидимой цели, постепенно ускоряя ход.

– Красиво идут, – одобрил Кроунер. – Оп-ти-маль-но!

– Капитан, – в глазах Раньера охотничий азарт, – проводить бы!

– Конеч... Стой! Не нужно никого провожать.

Первая шеренга рейтар достигла середины «ристалища», и тут им навстречу вынеслись алаты. Эти шли галопом, причем не теряя строя! Снег фонтанами летел из-под копыт, укутывая лошадиные ноги маленькой метелью.

– Ох ты ж, – не удержался кто-то за спиной, – красавцы!

– Ой-ё...

Золотые, рыжие, гнедые кони под алыми чепраками. Часток кол копий с красно-желтыми вымпелами, бурые шкуры, сверкающие шлемы. Блеск, ярость, мощь. Словно вернулась осень. Словно ожила шпалера из Сэ, присланная талигойской родне самим Балинтом! Нет, на шпалере витязи несутся впритирку, здесь же всадники второй шеренги скачут не в затылок первым, а в промежутках, а третья с четвертой вытянули вперед руки с чем-то длинным и сверкающим...

– Кляча ж твоя несусветная, кончары!

В Савиньяке, в оружейном зале, имелась парочка таких, Арно эти шпаги-переростки прежде казались странными. Старье ведь, ага! Пока на стенках висит.

Копья, кончары, булавы, доспехи... Конная атака из другого, казалось бы, навсегда ушедшего времени. Да как бы не так, пфейхтайеры вы лапчатые!

При виде ровных дриксенских шеренг передние витязи

только прибавляют скорости. Сотня шагов до врага... Полсотни – копыа, качнувшись, опускаются вниз, рейтары отвечают пистолетным залпом. Мощным и дружным, но не пулям остановить несущуюся бешеным галопом осеннюю лавину. Дриксы бросают коней навстречу вырвавшемуся из прошлого пожару, но, еще и хода не набрав, налетают на копыа.

Сверху творящееся на льду безумие видно даже без трубы. Первые ряды эйнрехтцев сметены подчистую, немногие ушедшие от копий, не успев ни порадоваться своему счастью, ни сообразить, что делать, натываются на не менее густую щетину кончаров. Кричат от боли несчастные лошади, их идущие позади товарки слышат, упрямятся, норовят свернуть, а копейщики уже всю орудуют саблями в глубине смешавшегося и потерявшего ход рейтарского строя. Стрелять бесполезно, а вот нырнуть в кровавую круговерт тянет отчаянно. Или хотя бы сбросить вниз торчащих на берегу «уларов». Два десятка? И что? Гады тарачатся на драку и ничего не заметят.

– Капитан, – стонет Раньер, – они же к нам тылом! Всех же снимем...

Глава 7. Гельбе

1 год К.В. 1-й день Зимних Скал

1

За поворотом, о чем-то предупреждая, громко запел рожок, но витязи продолжали свою скачку. Ни перестраиваться, ни менять аллюр никто не стал, так и неслись – погоня!.. Как горячий поток она захватывает и тянет, тащит, волочет дальше и дальше сверкающим речным желобом. Кровь в ушах шумит, сердце колотится, рука с отведенным в сторону клинком ищет цель и, увы, не находит. Второму сокольцу дела пока нет, отставшие от своих рейтары – раненые и те, чьи кони послабее, – достаются парням Коломана. Где-то впереди в слитный топот сотен копыт вплетается вскрик, ржанье, а потом Ховираш проносится мимо очередного трупа. Вперед!

Робер привстал в стремях, пытаясь высмотреть «гуся» и себе, толку-то – за красным лесом пик только и видно, что берега расходятся, и значит... значит, простора станет больше, а где простор, там и схватка, в которой врагов хватит всем, а не только копейщикам первого сокольца. Именно об этом и пел рожок: скоро бой, впереди новые враги – радуйтесь... Радуйтесь... Радуйтесь!

– Скоро! – подтверждает догадку скачущий рядом Имре. – И нам достанется!

Витязь рад, все вокруг рады, но... Плѣс или что там впереди – это свобода маневра не только и не столько для алатов, а горники вряд ли растеряли свою храбрость и решительность. Просто для них все случилось слишком неожиданно, а, к Змею! Поздно думать, обрывы отступают, справа так и вовсе сходят почти на нет, свет становится еще ярче, и конница выносятся из теснины. Долгожданная драка уже кипит вовсю, она началась здесь, но ушла вперед, истоптав и залив кровью больше не белый снег.

Судя по густой россыпи тел, все повторилось – лобовой удар, сметенные первые ряды, взятые на кончары вторые. Будь у рейтар больше времени, успе́й их начальство понять, на кого нарвался авангард, они бы второй раз не попались, но Карои для Гетца оказался слишком быстр. Внятного рассказа о первой схватке дриксенские полковники, похоже, не слышали, а теперь – поздно!

– Ну, – кричит Имре, крутя саблю, – наш черед!

Их черед – и витязи ныряют в смертоносный омут. Их черед – и истосковавшийся клинок впивается в первое тело.

– Лэйе Астрапэ! – вырывается из глотки само, и тут же на алатском: – Бей! Руби!

Балинтовы кличи, крики на дриксен, брань, ржание, сразу злое и счастливое, лязг стали, хруст льда под копытами, изредка – перестук выстрелов, а кто-то пытается еще и ко-

манды отдавать. Получается плохо, какие уж тут команды? В кровавой каше – каждый за себя, ну и за своих, кого случается прикрыть. «Гусей», в этот раз почти белых – гвардейцы, что ли? – вокруг много, и вертеться приходится не в пример первой схватке, но красавец Ховираш не подводит седока, а седок старается изо всех сил. Как и дриксы, так и норвящие если не пристрелить, то пырнуть. Пока неудачно, но на месте получившего свое мерзавца немедленно возникает другой, и хорошо, если один.

Вот уже пару раз шлем и шкура выручили, приняв на себя вражеские удары, вот уже проскочивший меж рейтар витязь рубанул по серебристому плечу, не дав опуститься занесенному палашу. Спасибо, друг, теперь можно не отвлекаться от носатого капитана... Новопреставленного! Взревевший едва ли не по-бычьему соловый пошел боком, и тебе спасибо, дорогой! Двое дриков слишком увлеченно на кого-то наседали и не оглянулись – остался один... Его Робер предоставил что-то выкрикнувшему алату, вроде знакомому. Вглядываться некогда, думать – тем более. Рейтарские палаша так и норвят взять свое, только зазевайся – мигом пожалеешь. Если успеешь... Любая несерьезная рана может открыть дверь в Закат, враги со всех сторон, ну так ведь и друзья тоже всюду, а численное превосходство «гусей» не спасет. Не их день сегодня, Изломы не для нечисти!

– Ну? – из лязгающей кутерьмы вываливается Коломан. – Как?!

– Так! – Коломан? Здесь? Он же впереди был? А, потом! Всё потом! – Лэйе Астрапэ, бей!

– Радуйся! – орет в ответ витязь, орудуя саблей, а сбоку возникает рейтар с окровавленным клинком. Ах ты ж сволочь!

Ховираш сигает через конский труп и врывается в чужого коня, тот заваливается на бок, хозяин успевает прыгнуть и вскинуть палаш. Клинок налетает на клинок, высекая алые искры! Их становится все больше, снег, берега, небо наливаются алым, лихо рычит гром, то есть не гром, конечно...

– Живи, друг!

– И ты... *Ты* живи!

Кажется, он не сплеховал ни разу, кажется, дрикссы от него уже начали шарахаться, кажется, он мало чем уступал алатским ветеранам...

2

Горники на обрыве так увлеклись происходившим внизу, что дали подобраться на пресловутый «пистолетный выстрел», ротозеи. И все получилось! С десятков дрикссов сразу поймали по пуле, а полдюжины оставшихся отправили в «гусиный» Закат клинками. Драка вышла короткой, и больше по эту сторону Хербстхен врагов не имелось. Остальные – кто резался на льду, кто таранился на резню с левого берега, и среди этих запросто мог затесаться какой-нибудь не в

меру глазастый умник. Сейчас добраться до шестерых злодеев-фрошеров он не мог, но, если видел, запомнит.

– Уходим, – Арно наскоро обтер палаш, – для вида.

Следы по зиме не скрыть, но гнаться за убравшимися в сторону своих позиций легкоконными желающие вряд ли найдутся. В худшем случае глянут в трубу на следы, ну так вот они вам! Честным кентером до зарослей водопляски, благо те испятнали весь берег, а там спешиться и кустами к самому обрыву. Случись что, ускачем, а пока полюбуемся, благо есть на что.

Первым, как и положено, высунул нос наружу Раньер, и тут же поднял большой палец. Дескать, наша берет! Проявлять степенность и начальственность Арно не стал, просто плюхнулся на расстеленный плащ рядом с «фульгатом» и раздвинул трубу. Зрелище радовало. Несказанно.

К ледовой мясорубке алаты оказались готовы куда лучше противников, и это уже всюду сказывалось – если вначале соотношение было где-то два к трем, то теперь на четырех витязей приходилось не больше пятерых рейтар. Может, в строевой выучке эйнрехтцы и не уступали свалившимся на их головы врагам, но для столь любимых в кесарии маневров и перестроений места на льду банально не нашлось. Все решалось в беспощадной рубке лицом к лицу, и тут дриksam с алатами было не равняться, а поддержать своих огнем сверху у остатков авангарда сперва не выходило из-за всеобщей кутерьмы, а потом и вовсе стало не до того. Запоздавшие к ве-

селью витязи в основную драку вмешиваться не стали, сразу погнав коней на пологий берег, где закипала новая россыпь схваток, для крутившихся там горников почти безнадежных. Кони, не просто лучшие, а бывшие с всадниками единым целым, непривычное оружие, доспехи, да еще умение всеми этими преимуществами пользоваться – нет, шансов на успех у серо-черных не оставалось! Даже для того, чтобы просто выжить, нужно было как следует постараться. Несколько минут страшной рубки, и сперва одиночки, а потом тройки, пятерки, десятки начинают искать спасения в бегстве. Кто уходит назад по руслу, кто – выбирается наверх по обоим берегам и тоже улепетывает подальше от ало-желтой гибели.

– Ути, – шепотом радуется Луи, – дунули-то как!

– Дельная ретирада, – подтверждает Кроунер. – С ветрочком.

3

Ховираш грудью протаранил своего гнедого собрата, едва не сбив того с ног, Эпинэ осталось только вогнать острие клинка в грудь теряющего равновесие рейтара. Немедленной замены погибшему не нашлось, и Робер смог наконец оглядеться. Оказалось, без дела остался не только он, причем неспроста – дриksam наконец-то надоело умирать.

На сей раз обошлось без горнов. Первыми не выдержали крутившиеся на береговых склонах остатки авангарда. Сле-

дом показали лошадиные хвосты и те, кто рубился на льду, причем откатывались назад они куда живей, чем после первой стычки. О строе и порядке рейтары больше не заботились, но огрызаться все ж не забывали. Те, у кого в запасе оставались выстрелы, на ходу разряжали пистолеты в ближайших противников, кто – расчищая дорогу, кто – останавливая возможных преследователей.

Искушение броситься в погоню и гнать, гнать удирающих подлецов было велико, но Робер как-то справился: удержал пляшущего Ховираша, стряхнул с клинка кровь последнего подвернувшегося под руку неудачника и вновь огляделся, теперь уже спокойней. Все то же, что и полчаса назад, – испятнанный багровым снег со льдом, тела в мундирах, по большей части светло-серых. Раненые корчатся, стонут, просят о помощи, мертвые просто лежат, а рядом, увы – бьются бедняги-лошади. Вот к ним сочувствие у Иноходца никогда не пропадало, как и у алатов, со вздохами добивавших безнадежных и поднимавших тех, у кого еще оставался шанс.

Дриксенские горны молчали, над пустеющим плесом пели только алатские рожки: витязи спешно стягивались под знамена.

– Пора, – сказал кому-то Эпинэ, поворачивая к успешшему стать своим Соколу, под которым обнаружили знакомые физиономии. Балинт, то есть, конечно же, Гашпар со своим Пиштой, Дьердь, оба Гергея, – живы!

– Имре и Коломана не видал? – Дьердь уже протягивает

флягу. – Радуйся!

– Имре, – припомнил Робер, с наслаждением глотая сакацкий огонь, – видел в самом начале, Коломана – только что...

– Опять ты вперед вылез! – в глазах Гашпара сразу и смех, и досада. Последний, резервный, соколец подтянулся к месту боя лишь в самом конце, и бывший в этот раз при нем Карои в гущу схватки не полез. В своих людях он не сомневался, а как станешь других в узде держать, коли себя не можешь? Гашпар удержал, но обидно ему было, не могло не быть.

– Так получилось, – не стоит вдаваться в подробности. – Ну нельзя с таким конем чужие крупы считать!

– Ясно с тобой всё! – отмахнулся витязь. – Кто сакачкой водички хлебнул, того перед дракой хоть запирай, он ворота высадит. Ладно, соколы, что о делах наших думаете? Как на меня, пара минут – и здесь кончится. А вот дрянь, что подалась в стороны и сейчас на береговых склонах болтается, может стать опасной. Если вовремя не съесть.

– Ну так давай съедим!

– И то! Не глядеть же...

– О нас, – дернул ус длинный Гергей, – гусаки не знали, к встрече были не готовы. Заморочили на позиции, как сами считали, всю талигойскую кавалерию, и удумали, что на реке её не будет.

– А значит, – рубанул ладонью воздух Карои, – на пехоту

мы здесь не налетим. О, Коломан, и где ж тебя носило?

– Коня менял, – нахмурил черные брови витязь. – «Гуся» за мной неудачно срубили, на замахе. Как падал, своей дурой по крупу Лангошу моему заехал, пока ещё заживет... Так что, братцы, вперед? Проводим гостей?

– Погоди! – осадил развоевавшегося рубаку Гашпар. – Задумку Гетцеву мы сорвали. Рейтары потрепаны преизрядно и серьезной угрозы не представляют, можно б и вернуться. Что командующий просил, мы сделали. Но...

– То-то, что «но»! – Коломан только что не храпел, как норовистый жеребец. – Разогрелись, удачу привадили, надо бы еще разок врезать, да хорошенько!

– А ты, друг маршал, что скажешь?

– Драться мне... нам, – Эпинэ погладил коня, – хочется, но в поле мы лишимся половины преимуществ, а горников... серо-черных я помню; со стойкостью и выучкой у них всегда было в порядке. Вторые, светлые, тоже себя неплохо показали, давайте считать, что они не хуже. С таких врагов станется перестроиться и контратакой сбросить нас на лед. А если они еще и пушки с пехотой подтянут? Не так уж это и долго, особенно если к Гетцу послали сразу, как нас увидели.

– Я бы послал, – Гашпар задумчиво тронул эфес сабли. – Впросак рейтары, конечно, попали, но тем сильней сдачи дать захотят, запросто можно нарваться. Речная долинка дальше сужается, берега становятся круче, а Гетц, отправляя свою конницу в рейд, мог на всякий случай посадить там по

верху пехоту. Под пули лезть глупо, просто на месте стоять – еще и скучно. Идти вперед приказа нет, отойти назад – можно, но нужно ли? Гонца я к Савиньяку сейчас отправлю, Пишта, понял, да? А мы пока здесь все обнюхаем, и по руслу, и по верхам.

4

Не любоваться на разбегающихся врагов трудно, и Арно любовался. Рейтары на речном льду напоминали не столько лебедей, сколько поседевших тараканов, хотя это как раз пожалуйста! Зрелище захватывало, но виконт все же сообразил, что оказавшимся с краю воякам, особенно оставшимся без лошадей, наверняка взбредет в голову полезть на берег, а пара десятков спасающих свою шкуру настороженных дриков отнюдь не то же, что пара десятков не ожидавших подвоха зевак. Для шести талигойцев их может оказаться слишком много, смысла же в героической гибели не просматривалось ни малейшего. Даже если беглецы в ближний бой не полезут, пальнуть со злости в некстати появившихся фрошеров им ничто не помешает, так что лучше.

– Давай к лошадям, – велел Арно, – и ложимся!

Бабочка, подчиняясь знакомому приказу, мягко повалилась на бок. Остальные кони последовали примеру кобылы, и вовремя, дриksы на берег таки вылезли: полтора десятка всадников и семеро пеших. К счастью, повели они себя веж-

ливо и мило – не особо оглядываясь и не задерживаясь, развернулись в сторону своего тыла и, посадив безлошадных товарищей сзади, как могли резво погнали прочь, все дальше удаляясь от залегших «фульгатов».

Спешили умники, как оказалось, не зря, по их следам шло десятка три алатов, так что выбор у рейтар был небогат – если не бегство, то смерть.

«Фульгаты» лежали, поднявшиеся на склон витязи крутили головами. Ага, они на разведку... Что ж, сэкономим друзьям время!

Поднимать коней Арно не стал, чего доброго – разрядят пистолеты на звук, а вот сам поздоровался. Сперва свистом на «фульгатский» манер, а когда насторожившиеся гости резко развернулись, по-алатски:

- С праздником, други! Ночь тает.
- И тебе радоваться. День растет.
- Встаем! Теперь не ударят.
- Еще бы ударили! Не дураки же...
- Аб-со-лютно!

Навстречу союзникам двинули бодрой рысью. Когда сблизились, виконт не удержался, послал Кана в олений прыжок через очень кстати подвернувшиеся трупы, после чего заставил отвесить поклон.

– Капитан Савиньяк. – Господарей Сакаци кто-нибудь да вспомнит, балинтова родня, как-никак! – Отдельный корпус бригадира Придда. Ведем наблюдение за берегом и в случае

необходимости бьем, – а теперь снова по-алатски: – Радуйтесь. Скоро весна!

5

Это уже было, то есть было ровно наоборот! Вместо дня – ночь, вместо победы – разгром, вместо веселых черных глаз – растерянные серые. Внизу рвался порох, из темноты вылетали безликие демоны, а на уже никому не нужной стене мальчишка с лицом Эгмонта дрался с бириссцем... Как две капли воды похожий на юного Эмиля парень в помощи не нуждался, что подтверждали трупы у копыт его мориска, так почему вспомнилось? До боли, до померкнувшего внезапно солнца?

– Гей, гици! – Робер вздрогнул и увидел сперва флягу под носом, а потом усатую физиономию. – Тебя, часом, в бою не приложило?

– Нет! – Иноходец мотнул головой и заставил себя засмеяться. Наваждение прошло, и здесь не Сагранна. У людей бывают младшие братья, очень младшие...

– Дриксы куда пошли? – Пишта времени даром не терял. – Вдоль русла или напрямик по полю?

– Вдоль русла, причем гнали быстро. Да, вы ведь наверняка заметили, что с вами дрались не только горники, но и эйнрехтцы?

– Заметили, – вступил в разговор Робер. – Пишта, коман-

дующему об этом отдельно сказать надо.

– Отсюда до талигойских позиций врагов нет, – обрадовал младший Савиньяк, – и до Эмиля... до ставки хорошей рысью минут двадцать, не больше.

– Надо б сперва гици Гашпару доложить. – Пишта напоминал Жильбера не только внешне. – Здесь мы с этими умниками натанцевались... до их упаду, но праздничек только начался. Что еще твой брат решит, не знаем, только нам снова в пляс охота!

– А кому неохота? – Савиньяк мотнул головой. Братья-то они братья, но жесты, улыбки, смех все ж разнятся. Дикон на Эгмонта походил больше, Дикон был единственным сыном...

– Капитан, – быстро велел Робер, – выделите нашему гонцу провожатого. Под мою ответственность.

– Да, господин маршал! – Арно поманил чернявого парня. – Луи, доведешь, кого скажут, до ставки напрямик через пустоши. Герцог Эпинэ, рад приветствовать вас в Северной армии.

– Спасибо! – Сегодня – праздник, впереди – бой, а вокруг – алаты, не обнять сына Арлетты просто глупо! – Хорошо, что ты нашелся!

– Еще как, – объятие перешло в рукопожатие, твердое и уверенное. – Но за вас мать тоже переживала. Кажется, вас ищут.

Его в самом деле искали. Неожиданно хмурый Гергё со-

общил, что гици ждут у Сокола, потому как убит гици Имре, а второй соколец вести надо. И лучше гици Робера сейчас не найти.

Глава 8. Гельбе Талиг. Акона

1 год К.В. 1-й день Зимних Скал

1

«Герцог фок Фельсенбург» быстро шел вдоль орудий, проверяя, а порой и подправляя наводку. Сопровождавший командующего Зальмер, к слову сказать, послушно набросивший плащ, заметно напрягся, когда Алва занялся первой пушкой, но к десятой совершенно успокоился и теперь манипуляциями Ворона чуть ли не любовался. Это и смешило, и обнадеживало, хотя и обидно слегка было. За Дриксен и, непонятно с чего, за себя, вернее за не показанные в свое время отцом приемы и нанятых бабушкой учителей. Пусть Ринге четырежды отработал свои деньги, это не то! Совсем не то, что короткий урок между докладами ошалевших подчиненных и внезапно охвативший обоих – и Руппи, и Ворона – смех. Фрошерам повезло, что такой человек родился у них, кесарии повезло, что он вообще родился...

– Полковник, – резко бросил «такой человек», и витание в облаках прекратилось, хотя в виду имелся отнюдь не Фельсенбург. – Открыть огонь!

– Во славу Дриксен, – Зальмер с готовностью махнул шпагой, и ближайšie к нему канониры поднесли пальники к за-

травочным отверстиям. – Огонь!

Дружно грохнуло, взметнулись облака порохового дыма, и первые подарки улетели в сторону атакующих. Руппи торопливо поднес к глазам трубу, но видимых результатов залпа не обнаружил. Не рушились перебитые рей, не летели обломки бортов, не извивался порванный такелаж, а темные прямоугольники не только не остановились – они, чтоб им пусто было, ускорились.

– Быстрее... Заряжать быстрее... не спать! Быстрее... – Зальмер понесся по батарее, торопя своих людей; Алва остался на месте, разглядывая окрестности с уже становящейся привычной якобы небрежностью.

– Удачно получилось, – сообщил он через полминуты, видимо, заметив больше бывшего флотского офицера. – Для первого выстрела так и вовсе славно. Мой друг виконт Валме, ты с ним наверняка познакомишься, однажды пострадал от гвоздя в сапоге. Судя по его рассказам, *это было ужасно*, а мы сделаем ужасно фок Ило. Само собой, нас постараются выдернуть... или забить.

– Следует ждать атаки? – предположил Фельсенбург, понимая, что скоро на батарее станет во всех смыслах жарко.

– Воистину, – весело согласился кэналлиец. – Какими силами?

– У фок Ило под рукой должна быть кавалерия, это быстрее всего... – Ворон тут что, обещал Бруно обучением чужих наследников заняться? – Может двинуть пехоту... на-

пример, вон ту... гвардию. Она атаку еще не поддержала. Ну и те, кто уже пошли, фланговая колонна... могут же там сообразить, что происходит, и развернуться!

– По ним не попадает, – хмыкнул «отец», – прямого повода нет, а о потерях соседей в центре они не знают и вряд ли думают. Нам должно очень сильно не повезти, чтобы там оказался кто-то вроде известного тебе Придда, но в общем ты прав: если Ило не пожелает терять времени, он сыграет чем-то из этого набора. Подождем, а пока будем стрелять и стрелять, хоть бы китовники в конце концов сели верхом на наши пушки.

Словно отвечая командующему, неподалеку взревел Зальмер, и батарея выдала второй залп. Орал артиллерист знатно, в пору хорошему боцману, но на дальнем конце все равно не расслышишь. Похоже, канониры равнялись на соседей. Дескать, если они выстрелили, то и мне пора.

Дым смотреть не мешал, в отличие от собственной бестолковости. Руппи вжал окуляр в глазницу так, что аж заболело, но оценить результат все равно не вышло. Зато было прекрасно видно, как передовые батальоны китовников ускоряют шаг, переходя почти на бег. Враги в родных – как бы не перепутать! – мундирах перли навстречу картечи с центральной батареей, подкрепленной густыми мушкетными залпами... и таки одолели последние две сотни шагов! Волна налетела на берег, но не отхлынула, а словно к нему прилипла. Подробностей начавшейся рукопашной разглядеть не

получалось, а воображение подсовывало батальные полотна, где в красивую цветную кучу мешали пушки, коней и людей, а над всем этим летели и дудели Победы со Славами... Они и над кораблями дудели. Пока Руппи не увидел изувеченную «Ноордкроне», ему это даже нравилось.

– С абордажем сравниваешь? – почти угадал Алва. – Что-то общее, безусловно, есть.

– Я на абордаж, можно сказать, что и не ходил, – признался Фельсенбург, – а о баталиях, где сражаются тысячи и десятки тысяч людей, только в книгах читал.

– И там были гравюры? Сочувствую, но пока наши дела идут неплохо. То, что с ходу опрокинуть полки Бруно не удалось, обнадеживает, однако рассчитывать лучше на себя. Как, впрочем, и всегда. Нам для поддержки приданы два кавалерийских полка, распорядись, чтобы они подтянулись к самой батарее.

2

Все нужное было сделано, но на грудь легла печаль и не желала уходить. Мэллит не могла ее изгнать, а подруга была далеко. Гоганни немного повозилась в кладовой и, не дожидаясь, когда придут делающие черную работу служанки, смыла с пола обманное масло. Добрый фок Дахе смог втолковать герцогу Надорэа, что после падения голову нужно беречь не меньше недели. Настырный отказался от погони за

любовью и возлег в своей спальне, но нареченного Вернером разговор утомил, и он ушел отдохнуть. Дом стал пустым, а без Сэль говорить и смеяться с солдатами Мэллит не умела. Гоганни поправила скатерти и вазы, выпустила в сад жаждущего свободы кота и взяла в комнате Герарда одну из его книг.

Большая и тяжёлая, она повествовала о войнах, которые перенес Талиг. Слог был труден, а многие слова непонятны, но Мэллит читала, ведь там говорилось о предках нареченного Лионелем. Один из них стал другом нового короля и пощадил сердце сестры, полюбившей безродного Готье. Гоганни хотела узнать больше, но того, кто записывал, занимали бои и поединки. Если бы возлюбленный прекрасной Магдалены не был воином и не спас своего повелителя и друга, рассказчик о нем бы забыл. Кубьерта хранила больше, воздавая должное тем, кто стал велик в ремеслах и науках, но у первородных должны быть и другие книги. Кто впишет историю любви в список целебных трав, и кто станет искать тайну приправ для дикой птицы в поучительных рассказах? Полковник Придд и его сестра много читают, они не откажутся поделиться красивым...

Внизу раздался стук и голоса – кто-то пришел, но выходить Мэллит не стала: большой Герхард знал, как не пустить докучливых, не нанося им обиды. Девушка сидела, обхватив по старой привычке колени, и думала, каким счастьем было бы возвращение к праздникам первородного Лионеля и пол-

ковника Придда, но судьба привела в Акону герцога Надорза с его обидными для других печальями.

– Барышня, – воин Аспе открыл дверь и широко улыбнулся, значит, беда в дом не входила. – Спуститься бы вам.

– Я иду, – сказала Мэллит, откладывая тяжелый том. – Кто хочет меня видеть, и меня ли?

– Негоциант с Алата, монсеньор прислал.

– Проэмперадор? – девушка быстро глянула на не знающие смерти цветы. – Но путь маршала Савиньяка далек...

– А его на всё хватает, – засмеялся Аспе. – Так идете?

– Да, – ответила гоганни, переступая порог. К празднику взамен испорченных постелили новые ковры, мягкие и теплые. Мэллит поняла, что забыла надеть туфли, но возвращаться не стала: она в своем доме, и в нем чисто.

– Баронесса Вейзель, – седой и благообразный учтиво наклонил голову, – Проэмперадор Севера и Северо-Запада граф Савиньяк уполномочил меня доставить к Зимнему Излому подарки для вас и вашей подруги девицы Арамона. Господин Герхард готов засвидетельствовать мою благонадежность.

– Этот человек достоин полного доверия, – подтвердил ставший домоправителем. – Сам он из Валмона, но не первый год ведет торговые дела с Алатом.

– Я верю, – сказала Мэллит, потому что надо было что-то сказать. – Пусть начавшийся год принесет вам удачу.

– Благодарю вас, баронесса. – Торговец отступил, позво-

для увидеть большой сундук. Обычно на нем сидели стражи, а сейчас стояло два ларца. – Золотистая шкатулка вам, белая – девице Арамона. По настоянию господина Герхарда мне пришлось их открыть.

– Я передам подруге сохраненную в белой радость, – пообещала Мэллит, чувствуя, как горят ее щеки, и присела так, как научилась во дворце. – Не желаете ли стакан подогретого вина?

– Благодарю, сударыня, но господин Герхард уже пригласил меня в «Разгульного чижа».

– Пусть вам сопутствует радость.

Равнодушие могло ранить вестника радости, и Мэллит наклонилась над подарками. Белая шкатулка скрывала сколотую сапфировой брошью голубую шаль, а золотая – сотканную из дарованных осенью красок, и сквозь нее пробивался цветок иммортеля! Он казался живым, но его создали руки золотых дел мастера.

Шаль гоганни развернула уже в своей комнате и вскрикнула от радости, столь сильной, что она породила слезы. Вышитые виноградные листья скрывали переплетенную в золотистый сафьян книгу и небольшой подсвечник – юная куница стояла на задних лапках, держа в передних ждущую огня звезду.

Не утирая глаз, Мэллит отыскала свечу и зажгла ее. День лишь приближался к середине, в окно светило солнце, и язычок пламени был почти не виден, но он горел, жил, обещал.

Девушка подошла к зеркалу, и оно отразило счастье.

– Ничтожная Мэллит ошибалась, – сказала гоганни повторенному глубиной огоньку. – У нее есть сердце, и оно бьется для Первородного Лионеля и тех, кто ему дорог.

3

Подгоняемым Зальмером пушкарям удалось выпустить в гущу наступающих с десятков залпов. Может это и помогало, но китовники своих противников все равно начинали теснить. Пусть медленно, пусть ни прорвать строй пехоты Бруно, ни тем более обратить ее в бегство не выходило, сути происходящего это не меняло. «Ноордкроне» тоже огрызалась до последнего.

– Молодцы, правильно, что контратаковали, – Ворон, очередной раз пройдясь вдоль позиции, вернулся к полюбившемуся ему зарядному ящику. – Когда будешь на Межевых, обязательно сходи на шадские бои, причем на те, что подешвле.

– Куда? – обалдел Руппи, не отрывавший взгляда от вновь превратившейся в подпираемую с двух сторон дверь схватки. – Как?

– Лучше морем, – светским тоном откликнулся Алва, – моряк должен хотя бы раз пройти Астраповыми вратами. Что до боев, то для души шады дерутся без оружия. От торского кулачного боя это отличается тем, что в ход идут

еще и ноги. Так вот, дитя мое, бойцы старательные, но посредственные, зачастую ведут себя как дурные зеркала. Машут кулаками, но стоит одному из соперников ударить ногой, второй отвечает тем же... Передай прикрытию – всему – приготовиться к бою, и поговори с господами кавалеристами, а то мне как-то неудобно.

Руппи опять не выдержал и прыснул, хотя смешного было мало. Батарея делала что могла, как и мушкетеры центра и, видимо, Рейфер, но этого явно не хватало. Впрочем, Алва про шадов не зря рассказал: он намекал на что-то очевидное. Посредственность... Фок Ило? По шадской логике, эйнрехтская тварь должна ответить там же и тем же, то есть приволочь артиллерию, а это – время. Если не тянуть, хватит, чтобы объясниться с господами полковниками и вернуться.

Командира его величества Ландхутского рейтарского полка Руппи знал столько же, сколько болтался при Бруно. Старина Раухштейн фельдмаршала боготворил, но штабных застолий чурался и держал сразу две дистанции – по чину и по титулу, не забывая при этом подражать своему кумиру. Затаенной мечтой ландхутца было посрамить вернегеродцев, но участие соперников в сорванном мятеже посрамлением не считалось: полк Раухштейна не успел толком явить ни выучки, ни храбрости, а вернегеродцы, по сути, оказались заложниками своего командира, по милости Руппи, покойного. Сменивший мятежника фок Штайлерхюгель, чаще именуемый просто Штайлером, слыл любимчиком Хеллештер-

на, задирой и язвой, однако к Руппи был расположен. В том числе и по причине собственной задиристости. Возглавив вернегеродцев, он с восторгом подхватил мяч соперничества и собирался утереть нос теперь уже ландхутцам.

С чего Бруно отдал Алве именно этих вечно готовых к драке петухов, оставалось лишь гадать. Может, первыми пришли на ум, а может, в этом крылся расчет – будут стараться превзойти друг друга и явят чудеса отваги и смекалки. Последнее настораживало, так как подлинного герцога Фельсенбурга Штайлер не мог не видеть хотя бы издали. Нет, в бой с китовниками рейтары пойдут хоть за Леворуким, но репутации Бруно тогда конец, так что лучше обойтись без разоблачений. Как? Да очень просто! Наследник Фельсенбургов проверяет, как выполнен отцовский приказ, и заодно оказывает господам полковникам уважение... Нет, не годится, он сам в таком же чине. Ладно, не оказывает, а демонстрирует добрую волю командующего. Герцог не вызывает командиров к себе, когда подчиненным в любой миг на голову могут посыпаться ядра, а присылает сына. Рейтарского полковника, между прочим, а не какого-нибудь капитанчика из штабных! Пусть ценят и ждут на месте.

Вернегеродцы оказались ближе, и, пожалуй, это было к лучшему. Фельсенбурга на Мороке часовые признали еще издали, и вот оно, полковое знамя с подвешенными к нему вместо положенных кистей фигурками бойцовых петухов. Тоже привилегия.

– Господин полковник, – Руппи поднес руку к шляпе, – я приехал справиться о вашей готовности.

– Хоть сейчас в бой, – фок Штайлерхюгель заговорщически сощурился. – Так батюшке и передайте.

– Так и передам, – пообещал Руппи. – Раз главное вы уже знаете, узнайте и кое-что в придачу. Командующий... предпочитает воевать на морисках, и сейчас при нем зверь впору Леворукому. У вас отличный зильбер...

– Но у Фельсенбургов лучше, – Штайлер со смешком кивнул на прижавшего уши Морока. – И как такие злые кони друг друга не едят?

– Привыкли. – Какая восхитительная правда! – С жеребчества. Простите, мне еще нужно ландхутцев навестить, а это и дальше, и... длиннее.

– Да уж, – подхватил «Храбрец Вернегероде», – там на одних рапорты минут десять уйдет, а ведь старине Раухштейну еще и понять, что от него требуется, надо.

– Я ему скажу, – нашелся Фельсенбург, – что приказ один на два полка, но вы стоите ближе к командующему, так что...

– Так что болван с нас глаз не спустит и попробует обогнать. Ловко придумано!

– Придумать – еще не осуществить. Удачи, полковник!

Минутка восхитительного галопа, и перед грудью Морока вновь возникают рейтары. Нет, их с мориском опознали не хуже, чем у соседей, но – порядок! Тот самый порядок, из-за которого годами не получаешь взысканий, а потом опаз-

дываешь к мятежу или вражескому прорыву.

– Полковник Фельсенбург, – представляется Руппи, – к полковнику фок Раухштейну от командующего. Срочно.

– Проезжайте.

Командир полка на почтенном жеребце караулит знамя, которое тоже выглядит зверски серьезным.

– Прошу простить, – кается Руппи, – задержался у Вернегероде. Они ближе, и мне пришлось довольно долго объясняться.

– Боюсь, вам пришлось довольно долго слушать. Фок Штайлерхюгель и так болтлив, а в бою становится просто сорокой. Надеюсь, у вас хватило голоса его прервать.

– Я был вынужден. Приказ срочный, настолько, что командующий не рискнул разлучать полки с их командирами. Мне пришлось стать по такому случаю курьером, но я не жалею. Вы готовы выступить?

– Разумеется! Вам лучше поспешить. Был бы рад проявить больше гостеприимства, но фок Штайлерхюгель такой возможности меня, увы, лишил. Одна радость, к противнику ближе мы, значит, в бой нам идти первыми. Иначе китовники не дождались бы нас до вечера.

– Приказ будет один на всех. Для быстроты он будет передан...

– Петухам. Что ж, они кукарекают громко, мы услышим. Не волнуйтесь.

– Я не волнуюсь, – заверил Руперт, и через пять минут с

чистой совестью доложил Кэналлийскому Ворону:

– Господин командующий, Вернегеродский и Ландхутский конные полки выполнили ваш приказ и полностью готовы к бою.

Глава 9. Гельбе

1 год К.В. 1-й день Зимних Скал

1

На севере гремело уже не переставая. Частое буханье слилось в непрерывный гул, который вскоре стал привычным, будто дождь по осени. В монотонный шум то и дело врываются звуки идущего уже под самым носом сражения, верней, не идущего – бредущего. Горники с решительными действиями не торопились, но для порядка время от времени атаковали, то ли пробуя на зуб талигойскую оборону, то ли просто напоминая о своем существовании. Нельзя сказать, что подобное положение вещей Эмиля особо печалило, но никакой Кальтарин⁴ не длится вечно. Рано или поздно фок Гетцу придется бросить на стол заготовленные козыри. Это в том случае, если трюк с кавалерией на льду окажется плодом воображения маршала Савиньяка, которому без конных фортелей битва не битва. Если же горник в самом деле рискнул, то его первая карта уже бита, и бита крепко. Витязи тем

⁴ Кальтарин (измененное по настоянию эсператистов «Гальтарин») – церемониальный танец-шествие, открывавший сперва пиры, а в более поздние времена – балы, на которых присутствуют члены династических домов, разделенные с царствующими монархами не более чем тремя поколениями.

и хороши, что таких больше не осталось, соответственно, и управляться с ними разучились. Конечно, проведай Гетц об алатском сюрпризе загодя, он бы меры принял, и уж точно бы не погнал своих рейтар в «трубу» Хербстхен, но откуда ему было проведать?

Эмиль ковырнул носком сапога снег и с отвращением глянул на два батальона серых мушкетеров, церемонно выполняющих очередное «па» прямо перед его курганом. «Гуси» неторопливо продвинулись шагов на пятьдесят, видимо, стремясь овладеть не то высоченным пнем, не то низко обломанным деревом, и остановились, уступая очередь талигойскому партнеру. Партнер честно разрядил мушкеты, горники сделали то же самое и отошли, предоставив пень талигойцам. Мило, чинно, и все при деле.

– Плохо, что из-за местности не видно, как фок Гетц распределяет свои силы, – Хеллинген, будучи истинным начальником штаба, во время боя выказывал умеренное раздражение. – То, что здесь происходит, я пока сражением назвать не могу.

– А когда сможете? – поддел неумеренно раздраженный маршал.

– Когда будут предприняты решительные действия, – с легким удивлением объяснил Хеллинген, – а это обязательно произойдет, если эйнрехтцы не проглотят Бруно. Что, по понятным причинам, теперь невозможно.

– Именно, – согласился Эмиль, и начальник штаба

уткнулся в трубу. Вот и пусть смотрит! Савиньяк поплотней закутался в плащ и слегка спустился по склону, разминая начинающие уставать от топтания ноги, но главным образом чтоб глаза не упирались в свиту. Нет, толкущиеся на вершине кургана капитаны и тенъенты были славными парнями, успевшими и пороха понюхать, и клинками постучать. Каждый из них, возникни такая надобность, и командующего бы собой закрыл, и в заслоне остался, и раненого не бросил бы. Умей они то же, что умел Герард, никто бы не колебался, но они не умели. И остались живы...

Ловушка в церкви сработала, сражение началось, еще и Рокэ объявился, воюй да радуйся! Все отлично, это тебе скажет любой, кто командовал хоть кем-то, потому что командовать – значит этим самым кем-то жертвовать или, если угодно, платить. По возможности дешево, но за бесценнок редко купишь что-то приличное, и потом цена цене рознь, те же кони... Одно дело продать, обменять, продуть в карты просто лошадь, пусть кровную и дорогую, и совсем другое, когда речь заходит о друге. Таким, каким был Борраска. Шарли вечно удивляется, с чего у командующего вчера гнедой, а завтра чубарый... Да кто только не удивлялся, разве что Ли, хоть и молчит, понимает. Грато, во всяком случае, в этот кошачий рейд братец не поволок, но в огонь жеребцу скакать все равно пришлось. Правда, под Рокэ коней уже давно не убивало, Моро, бедняга, не в счет, тут особый случай, как и Герард...

Давя излишние посреди боя мысли, Савиньяк вернулся к знамени и, избегая разговора с начальником штаба, тоже взялся за трубу. Проклятые вариты опять нацелились на пень! Затеяй они что-нибудь более или менее опасное, непрощеную философию как рукой бы сняло, но сейчас оставалось ждать вестей от Карои и гадать о следующем шаге, чем командующий и занялся. Сперва шло со скрипом, но потом словно пробило, и варианты принялись перекатываться в голове, как камешки в полосе прибоя.

Ило с Гетцем на левом крыле отвлекают внимание, а потом бьют в обход справа? У Райнштайнера возникают трудности, к нему срочно перебрасываются резервы, после чего следует удар по Ариго? Настоящий удар, и парировать его нечем... Или горники сосредоточили кулак против правого крыла и саданут одновременно с конницей?

Фок, чтоб его, Ило всю жизнь болтался с Фридрихом, Фридрих играл в Алву, а тот обожает гнать противника на собственные тылы. Покойному принцу штуки Ворона не давались, но Ило может оказаться поумнее. Наверняка окажется, так как глупее Фридриха разве что Дубовый Хорст, а раз так, эйнрехтскому умнику запросто придет в голову погнать фрошеров на тылы Бруно. Красивая вообще-то задумка, если не знать про Карои...

– Мой маршал... Мой маршал...

Глаз Сэц-Пуэна воинственно сверкает, рядом блестит зубами раскрасневшийся алат. С такими физиономиями дур-

ных вестей не привозят! Гашпар справился, его головорезы развлеклись, а Гетцу придется начинать сначала, причем с ополовиненной конницей.

– Докладывайте! Хеллинген, подойдите-ка, послушаем о славных делах! Ведь о славных?

– Да, гици!

Чутье и логика не подвели, а Карои с Эпинэ оказались молодцами. Алатские панцирники встречным ударом разгромили на льду авангард вражеской кавалерии и, преследуя его, столкнулись с основными силами, всего около трех тысяч человек, причем горных рейтар хватило лишь на авангард, дальше в ход пошли уже «лебеди» фок Ило. Это, впрочем, не помогло – противник был опрокинут и с большими потерями отступил, возможности нанести удар по тылу или флангу талигойской армии у него больше нет. Карои выдвигает вперед разведку для выяснения обстановки и готов как атаковать, так и возвращаться, пока же неторопливо следует за отступающими рейтарами, дабы не допустить новых сюрпризов. Ну и ждет приказов.

– Вражеское командование, – торжественно предположил Хеллинген, – уже получило известия о провале задуманной хитрости, и либо пересматривает свои планы, либо пускает в ход запасной.

– Несомненно, – согласился Савиньяк и обернулся к алату. – Передашь Карои, пусть ждет. Очень может быть, вы пригодитесь там, где находитесь, а с меня за хорошие вести

чарка, ведь так? Не забыл?

– Не забыл, – радостно подтвердил витязь. – Только две чарки. Первая – за новость, вторая ради праздничка. Радуйся!

2

Непонятная самоубийственная отвага горных кавалеристов то ли сама по себе подостыла, то ли ей помогли: ватаги всадников на крепких, лохматых – Ариго помнил эти гривы и хвосты по Торке – лошадакх уже минут десять как оттянулись под защиту своей пехоты, оставив на истоптанном поле не меньше пары сотен трупов. Впрочем, скрываться в тылу конники не спешили, так и маячили за спинами батальонов первой линии.

– Будто намекают, что вот, мол, в любой момент снова полезут, – Ариго от души мазанул по куску говядины горчицей, прихваченной вчера у Савиньяка. – Понять бы, зачем?

Разделявший с Жермоном походную трапезу Карсфорн, не торопясь, взялся за другой кусок.

– До этого момента, – заметил он, – если, конечно, не считать «заигрываний» с Шарли, все шло понятно и ожидаемо. После того как вы не дали горникам спокойно промаршировать мимо себя прямо в тыл Бруно, Гетц вывел и построил против ваших...

– Наших, Гэвин!

– ... против наших пяти тысяч свои семь, подтащил пушки и начал готовить атаку, попутно проверяя, не найдется ли где у нас дыр или хотя бы лазеек. Пока не нашлось, так что следует ждать продолжения попыток.

– Тем более что пушек тут недавно прибавилось. – Из-за левого плеча гремело все чаще и сильнее, и Жермон, не переставая жевать, оглянулся на север. – Проклятье, как опять на Печальный Язык угодил... Что толку в сохранении своей позиции, если «бесноватые» опрокинут Бруно и окажутся у тебя на загривке?

– Вы полагаете, фельдмаршал не удержится?

– Ничего я не полагаю, – Ариго наскоро смахнул с мундира крошки. – Противно зависеть не от себя... И от союза такого тоже противно!

– С утра вы были спокойней.

– Ну, был, – Жермон подкрутил усы и заставил себя подмигнуть начальнику штаба. – До меня вообще медленно доходит!

– Не могу согласиться, – Карсфорну подкручивать было нечего, и он просто промокнул губы салфеткой. – На поле боя вы соображаете очень быстро, а уж как стремительно вы женились... Подобное тугодумам не по плечу.

– Да уж, – сдержатъ счастливую и наверняка глупую улыбку не удалось, ну и пусть! – Мне мою женитьбу всю жизнь поминать будут. Ладно, будем надеяться, что старый Бруно не даст себя побить.

Прозвучало неискренне, но куда денешься? Савиньякам дриксенский фельдмаршал был никто, они могли с ним договариваться и обдeldывать какие-то дела, а Жермон так и торчал на Мельниковом лугу, а к его ногам раз за разом шмякалось зеленое яблоко. Как позже выяснилось, смерч ободрал заречные сады, но Ариго подумалось о фок Варзов, и хлюпающему окровавленному носу Ойгену – тоже. Они не сомневались, что командующий погиб, вот и действовали, как казалось верным. Собирали, кого могли, под знамена, искали не превратившиеся в трясины дороги, думали, как и куда волочь раненых... На Маршальский курган даже не смотрели, пока не объявился уцелевший порученец. Фок Варзов был жив и приказывал... Собственно, это и приказывал: собирать, кого можно, и тащить за Эйну.

– Гэвин, – окликнул Ариго, – а ведь я горников понимаю. Ну не могут они смириться с тем, что фельдмаршал с нами спутался. Всю жизнь зубами за каждый камень грызться, и на тебе – были фрошеры, стали союзники. Я это к тому, что у Гетца может быть не больше бесноватых, чем у нас. Мы с ним просто продолжаем то, что всю жизнь делали, а вот на севере в самом деле какой-то бред! Эйнрехтцы прут на Бруно, которому помогают чудом им не угробленные до конца враги. А, к кошкам, наше дело серое... С черным.

– Да, – то ли не понял, то ли наоборот, очень хорошо понял Карсфорн, – удачно, что у Горной армии своя форма. Если здесь появятся чужаки, мы сразу это поймем.

Зловредный ветер, как назло, погнал целую пороховую тучу напрямик на «командный» курган, и именно тогда, когда Эмиль собрался повнимательней оглядеть левый фланг. Пришлось спускаться и отъезжать в сторону, причем со всей оравой: бдительный Хеллинген надумал усилить охрану. Свой резон в этом был: в чью-нибудь башку с перебродившими мозгами запросто могла прийти мысль ударить по фрошерской ставке. К самому кургану прорваться хоть бы и четырежды бесноватым не получалось при любом раскладе, но маршальская кавалькада гадам могла приглянуться. Чтобы в прямом смысле не дразнить «гусей», Эмиль дальше тылов артиллерии Рёдера не поехал, благо видимость там была вполне пристойной, а от поднадоевшего ветра слегка прикрывали фуры.

Вопреки ожиданиям, левый фланг выглядел спокойно – горники в решительную атаку пока не кинулись, и даже их обнаглевшая кавалерия оттянулась назад, оставив поле боя «воронным». Очень любезно, но за любезностью всегда что-то да кроется.

– Гляньте-ка за их первую линию, – заметил Эмиль, чуть ли не с нежностью разглядывая суесящихся букашек. – Накапливаются, паршивцы. И вот той батарее у подножия самого близкого к нам холма еще полчаса назад не было.

– Определенно, – живо откликнулся начальник штаба, – на левом фланге сейчас наиболее угрожаемое место.

– Мой приказ Придду. Со всем своим корпусом – в распоряжение Ариго. И предупредите его самого.

– Сейчас отправлю, – Хеллинген махнул рукой, подзывая дежурного порученца. – На мой взгляд, раз уж мы здесь, имеет смысл лично приободрить Рёдера.

– Скажите лучше, – хмыкнул маршал, – вас очаровал здешний порядок.

– В том числе, – обычно суховатый Хеллинген неожиданно улыбнулся. – Когда всё, что в данный момент на позициях не требуется, может быть в кратчайшие сроки туда доставлено, я спокоен. Признаться, до сегодняшнего дня командующий артиллерией вызывал у меня некоторые сомнения. Свою храбрость и умение стрелять он доказал на Печальном Языке, однако артиллерия – это еще и сами пушки, и ядра, и лошади...

– И порох, – поддразнил Эмиль, на которого опять накатил дурацкая злость.

– Да, и порох, – согласился начальник штаба. – Вы, господин командующий, не так похожи на своего брата, как это кажется с первого взгляда; и не так непохожи, как это кажется со второго... Теньент, отправляйтесь к бригадиру Придду и передайте, что он поступает под начало генерала Ариго. Выступить немедленно. Перед отъездом не забудьте послать курьера к Ариго.

– Да, господин генерал.

– Останетесь с Приддом, пока он не выйдет на новые позиции, потом доложите. Выполняйте.

Парень лихо развернул коня и умчался. Приказ ему нравился, особенно в части возможности задержаться и глянуть на драку не с кургана. Эмиль погладил заскучавшего полумориска.

– Так что там с моей схожестью-несхожестью на второй взгляд? С первым все очевидно.

– Вчера на ужине вы напоминали Проэмперадора Севера, – Хеллинген невесело усмехнулся. – До последнего тоста.

– Да, Лионель сказал бы иначе. Он, как я понял, вам не по душе?

– Напротив. Сносному военному, а я себя считаю таковым, Лионель Савиньяк не может не нравиться. В Кадане и Гаунау маршал делал то, что не сделает никто, кроме него, а я – то, что оставалось, в результате вышло неплохо. Некоторые мысли после возвращения нам высказывать запрещалось, но армия уверена: Ноймаринен, вовремя не сменив фок Варзов на вашего брата, ошибся... Смотрите, очередное сообщение от наших, гм, союзников.

– Вот только их не хватало! – хмыкнул Эмиль, поднимая трубу. Хеллинген не ошибся, несколько дриков в сопровождении «фульгатов» явно направлялись к ставке, но, увидев маршальскую кавалькаду, повернули коней. – Знакомая физиономия, вчера у нас был.

Был. С соболезнаваниями Бруно, за которые хотелось дать по роже, хотя привезший их офицер и сам казался подавленным. Чего доброго, опять примется напоминать о том, чего и так не забыть.

– Капитан фок Гархольт, – Хеллинген тоже разглядывал вестника, – второй в списке офицеров связи. Видимо, герцог Алва своего дриксенского спутника оставил при себе.

– Вернее, Бруно что-то нужно не от Алвы, а от меня. – А Рокэ этого, наоборот, не нужно, так что старый бык обойдется! – Хеллинген, окажите-ка мне ту же услугу, что и Лионелю.

– Буду рад. Что именно я должен сделать?

– То, что можно сделать без меня. – Эмиль не выдержал, подмигнул. – Узнайте, чего хочет фельдмаршал, а я занят: совещаюсь, мыслю... обедаю, в конце концов!

– Последний довод Бруно, вне всякого сомнения, понял бы, – согласился начальник штаба и неторопливо порысил навстречу новостям. Чего бы Бруно ни хотел, решать с ним Алве, а вот фок Гетца унимать предстоит здесь и самим, причем очень скоро.

Глава 10. Гельбе

1 год К.В. 1-й день Зимних Скал

1

В своем рвении артиллеристы Зальмера не уступали лучшим комендорам Западного флота и самой «Ноордкроне». Никого из спящих возле пушек парней нельзя было упрекнуть ни в лености, ни в отсутствии старания, не говоря уж об, упаси Торстен, трусости, а бояться можно было уже начинать: прикрывавшие батарею «синие» мушкетеры потихоньку пятились под натиском двух ломившихся вверх эйнрехтских батальонов.

– А вот и фок Ило проснулся, – Алва небрежно указал трубой на ближайшую гряду, белые склоны которой теперь напоминали разворошенный муравейник. – Позже, чем следовало, но раньше, чем нужно нам.

– Нужно? – удивился Руппи, быстро переведя окуляр так, чтобы муравьиная суeta стала человеческой.

– Нужно, – подтвердил Алва и замолчал, не мешая «наследнику» любоваться на конные упряжки, выкатываемые на склон орудия и машущих руками офицеров. У Зальмера каких-то полчаса назад творилось то же самое.

– Еще минут десять, от силы – пятнадцать, – Фельсенбург

попробовал улыбнуться, – и они нас поприветствуют.

– Наш полковник, кажется, пришел к такому же выводу. – Кэналлиец умудрялся еще и по сторонам глядеть. – Надеюсь, он удержится от пошлостей вроде «смотрите, по нам сейчас будут стрелять». Не люблю разочаровываться.

Зальмер уже был рядом. Напуганным он не казался, скорее озабоченным.

– Господин командующий, – артиллерист спокойно отдал честь, – меня беспокоит угроза атаки на батарею. Наша пехота вся уже в бою, резерва нет. Прошу меня простить, но я опасаясь, что китовники атакуют ближний к ним фланг кавалерией.

– Я бы на месте фок Ило это сделал уже давно. – Успокаивать господин командующий умел просто замечательно! – Гляньте-ка лучше на этих красавцев. Руперт, тебе это вряд ли понравится, но интересно будет.

Понравиться такое никому не могло! Столичные гвардейцы, все четыре полка, двинулись вперед, чтобы поддержать захлебывающуюся атаку на позиции Бруно. Если они вот так с ходу, сплоченно, всей массой, ударят на узком участке, центра будет не удержать.

– Прекратите этот парад, – резко бросил Ворон враз подбравшемуся артиллеристу. – Нацелить на них все орудия! Если дойдут без потерь и ударят – мы все тут напрасно надрывались, а это обидно.

Полковник взмахнул рукой, не донеся её до шляпы, и ры-

сю умчался к подчиненным. Не прошло и пары минут, и орудия плюнули огнем. За грохотом близких выстрелов Руппи едва не проглядел взметнувшийся чуть в стороне фонтан снега и каменного крошева. Китовники свою батарею таки устроили, остается понять, как у гадов с меткостью. Давить вражеские пушки – это не по плотным колоннам пехоты лупить. Пара ударов сердца – и вот вам второй презент, упавший, правда, еще дальше.

– Пристреливаются, и пусть их, – Алва не отрывал взгляда от атакующей линию Бруно пехоты. – Не могу не отдать должное нашей артиллерии: эйнрехтским гвардейцам сейчас достается полной мерой. Второй раз пить с Бруно шадди я не намерен, так что наградами для отличившихся займешься ты, и мой тебе совет – никогда не жалея орденов артиллеристам.

– Да! – пообещал Руппи не столько Алве, сколько словно вышедшему из порохового дыма Зеппу. – Монсеньор, у меня оценить результаты нашей стрельбы не получается. Зальмер остановит атаку?

– Нет, но начинать с чего-то надо. – Ворон перевел трубу куда-то влево, где сейчас не происходило вообще ничего. – Сходи проверь наши подпруги. Пора избавлять полковника хотя бы от части его опасений.

Гетц в дураках сроду не числился, а, получив от алатов по носу, убедился в том, что и противник – не покойный Фридрих, и фок Ило – не Ворон. Если предводитель «уларов» после неудачных совместных действий раздумает слушать столичную цацу, в ход пойдет горная основательность. Что до самой цацы, то ее требования к горникам напрямую зависят от требований Рокэ к Бруно... Теперь Эмилю самому было любопытно, что привез посланец фельдмаршала, но появляться было как-то несолидно. Ладно, Хеллинген расскажет. Командующий напоследок оглядел затянутые дымом и посему сразу поскучевшие просторы и до неприличия аккуратно сложил трубу. Он кончал застегивать пряжки на сумке, когда позади знакомо треснуло.

Выстрел за фурами! И тут же еще и еще, вперемешку с криками и таким узнаваемым лязгом. Руки опережают разум, левая дергает повод, правая лезет за пистолетом, но все уже заканчивается. Шагах в тридцати кого-то добивают гвардейцы конвоя и «фульгаты», из толчеи выскакивает кобыла Хеллингена с пустым седлом, на миг застывает и шарахается в сторону, позволяя разглядеть привалившегося к борту повозки дрикса-связного. Капитан Гархольт зажимает развороченный бок, а кровь толчками хлещет меж пальцев перчатки на грязный, истоптанный снег.

– Вот он, сволочь! – перекрывает общий гам гулкой бас, переходя в выстрел. По ушам будто со всей силы бьет ладонями, ближайший тент выгибается парусом под штормовым ветром. И лопается, разлетаясь ключьями. В небо, разбрасывая дымные кометы, рвется огненный сноп, невидимый кулак, тяжелый и жаркий, толкает сразу в лицо и в грудь, но рука не выпускает поводьев, а ноги не теряют стремян. Шатнувшегося коня удастся удержать и вроде бы успокоить, он храпит, но слушается. Целы! Оба целы, а в фуру были заряды... Какой-то болван пальнул из пистолета в подыхающего мерзавца и чуть не угробил командующего. Перестарался, бывает!

Площадку накрывает клубами едкого и черного, явно не порохового дыма, ветер гонит их прочь и тут же, на смену, несет новые, в глазах щиплет... Хеллинген!.. Лошадь без всадника – еще не смерть, но лучше не надеяться, а знать точно.

Убирать пистолет маршал не стал, успеется, тем паче из пяти охранников, оказавшихся между командующим и взлетевшей на воздух фурой, в седлах оставались трое, и одному из них досталось как следует. Бедняга едва держался, обнимая обеими руками лошадиную шею. Эмиль свободной рукой ухватил дрожащего мерина под уздцы и кивком подозвал уцелевшего капрала.

– Посмотри, что с ним.

– Ничего такого вроде, – капрал умело перевалил непо-

движное тело к себе, – оклемается к вечеру...

– К лекарям. – Тряхнуть головой, отгоняя тошнотворную мусть, завернуть коня. Приключение пришлось, мягко говоря, не к месту. Убийцы – кошки с ними, но взрывом положить могло всех.

Дым развеивается, за спиной перекрикиваются и считают друг друга свитские, на почерневшую тропинку вылетает бегущий во весь опор полковник-артиллерист.

– Монсеньор!!! – не крик, вопль последнего охранника и сразу выстрел. «Фульгат», роняя шпагу, откидывается на круп своего гнедого.

Не всё, значит? А, вот *он!* Синяя фигура вываливается из редющей белесой пелены, спотыкается, оборачивается, в обеих руках пистолеты... Тот, что в левой, еще дымится и смотрит в землю, его разрядили в охранника, второй поднят.

Чужой мушкетерский мундир, застывшее лицо. Взгляд упирается во взгляд, в памяти вспыхивает: капитан фок Друм, адъютант канцелярского Вирстена. И додумался ведь, зашел сбоку...

– Штабная дрянь!

Рука рвет повод, вскидывая жеребца на дыбы. Встав в свечку, тот разворачивается на месте, вдруг ставшие алыми копыта месят воздух, закручивая дым в диковинные завитки. Жаль коня, до воя жаль... А нельзя жалеть, слишком много на тебе сегодня сошлось, потому тварь и явилась. Не за Хеллингеном явилась – за тобой! И кем ты будешь, дав

себя убить? Дезертиром, предателем, сволочью...

Конь хрипит от обиды и ярости, желая шенкелей, чтобы бросить тело вперед и стоптать мерзость, что заставила хозяина сделать ему так больно. Стой, стой, бедняга!

Грохает. Страшно, всем телом, содрогается подбитый полумориск. Фок Друм нелепо вытягивает шею – из-за дыма никак не разглядит, попал или нет. Штабной, хоть и бесноватый... Так и стой, зараза! Пальцы на рукояти сжимаются сильнее, морисский пистолет на долю мгновенья замирает на одной линии с подбородком твари, палец привычно выбирает спуск. Фыркает порох на зарядной полке, рявкает выстрел, убийцу будто кто дергает за веревку и отшвыривает прочь. Дрикс подгибает колени, подтягивает руку с еще дымящимся пистолетом, сворачивается калачиком. Сдох.

Жутко, обреченно, обиженно ржет и начинает заваливаться конь... Теперь только прыгать. Справа чисто, ни камней, ни обломков, ноги прочь из стремян, горизонт вскидывается на дыбы, небо на мгновенье становится землей и возвращается на место. Хрустит под сапогами снег, где-то стреляют, орут, зовут, и молотят, молотят дымный ветер лошадиные ноги в белых нарядных чулках.

3

Полыхнуло внезапно и страшно. На мгновенье ослепший Арно не понял, откуда выскочил рыжий жеребец, карьером

рванувший в развороченный молнией горизонт. Горячий ветер ударил в лицо, взметнул, закружил серый пепел, показалось – идет снег. Сухая, жаркая вьюга кружила над огненными травами, что-то бешено стучало: не то копыта, не то огромное сердце. Ставший сгустком пламени конь перемахнул дымный ров, и тут совсем рядом что-то разбилось. Давным-давно мама уронила чашку, тогда зазвенело так же... Взнявшиеся из ничего странно алые осколки повисают на вихрях пепла, как на цепях, тянутся к друг другу, становятся солнцем, оно качается и стучит. Будто сердце сгоревшей лошади...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.